ВСТРЕТИМСЯ В ПОЛНОЧЬ
НАПИШИ СВОЮ ПЕСНЮ О ЛЮБВИ...
МОРИН ГУ

Морин Гу
Встретимся в полночь
Серия «AsianRomance»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69176029
ISBN 978-5-17-145844-7

Аннотация

22:00. Лаки – крупнейшая звезда K-pop и только что исполнила свой хит «Heartbeat» в Гонконге перед тысячами восторженных поклонников. Она собирается дебютировать на The Tonight Show в Америке, надеясь, что это станет прорывом в ее карьере. А что сейчас? Сейчас она в своем шикарном отеле пытается заснуть, но умирает от желания съесть гамбургер.

23:00. Джек, журналист бульварной газеты, пробирается в модный отель по заданию. На выходе из отеля он встречает девушку в тапочках. Девушку, которая решительно настроена купить гамбургер! Она выглядит какой-то знакомой… и очень милой. Любопытство берет над ним верх.

00:00. Ничто уже не будет прежним…

Содержание

Пятница 8
Глава первая 10
Глава вторая 18
Глава третья 29
Глава четвертая 35
Глава пятая 41
Глава шестая 54
Глава седьмая 64
Глава восьмая 72
Глава девятая 76
Глава десятая 78
Глава одиннадцатая 85
Глава двенадцатая 91
Суббота 100
Глава тринадцатая 102
Конец ознакомительного фрагмента. 104

Морин Гу
Встретимся в полночь

Maurene Goo
Somewhere Only We Know
Published by arrangement with Farrar Straus Giroux Books for Young Readers, an imprint of Macmillan Publishing Group, LLC.
All rights reserved.
Печатается с разрешения агентства Nova Littera SIA.
Иллюстрация на обложке Марии Зельцер grimuar_art
Дизайн обложки Екатерины Климовой

Copyright © 2019 by Maurene Goo
В оформлении макета использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com
© Болдырева Н., перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

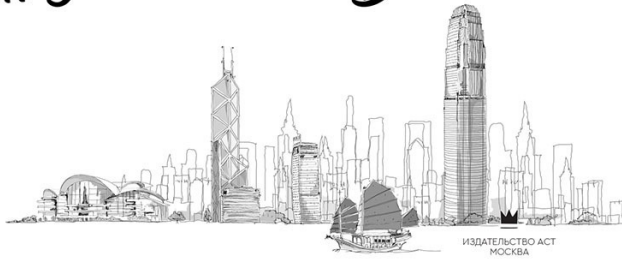
Asian ROMANCE

MAURENE GOO

МОРИН ГУ

SOMEWERE ONLY WE KNOW

ВСТРЕТИМСЯ В ПОЛНОЧЬ



ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

В память о моей бабушке Свон Хи Гу, которая познакомила меня со всеми великими черно-белыми романами.

И для Кристофера, который познакомил меня с настоящим.

И скользит она, с пеньем,
По стремнине, теченьем,
Точно лепет воздушного сна;
И земля ее любит,
Ее небо голубит,

К светлым безднам нисходит она.

«Аретуза»

~~Джон Китс~~

Перси Биши Шелли

(в переводе К. Бальмонта)

Пятница

ПЯТНИЦА

Глава первая
Лаки

Когда ваше лицо узнают по всему континенту, вы не имеете права ошибаться.

Особенно – на сцене.

Я вглядывалась в кричащую толпу, свет ослеплял меня. Из-за этого рева я не слышала собственного голоса.

Однажды на сцене я бросилась в протянутые руки танцовщицы, крошечный микрофон сдвинулся под моими волосами – и голос сорвался в самый драматичный момент моего хитового сингла «Heartbeat».

Мой визг прокатился по всей Азии. В интернете без конца

крутили видео этого момента с наложенными на него мультяшными кроликами и звуковыми эффектами. В моем любимом нарисованное стекло разбивалось вдребезги в тот самый момент, когда раздавался визг. Это было сделано так мастерски, что я смеялась всякий раз, когда его пересматривала.

Однако моя управляющая компания сочла это промахом, несовершенством в остальном идеальной звезды K-Pop.

Именно об этом провале я думала, стоя на сцене в Гонконге. Последняя остановка в моем азиатском турне.

Тем не менее я ощущала что-то особенное – потоки возбуждения в пространстве между мной и толпой. Вот почему я делала это. Что бы я ни чувствовала за несколько дней или секунд до того, как выходила на сцену, например, беспокойство о том, что снова все испорчу, – все это исчезало, когда энергия толпы проникала мне под кожу и попадала в кровь.

Яростное обожание как вода осмосом[1].

Мои ноги в серебристых сапогах на шпильках прочно стояли на полу. Мой вечный кошмар: сапоги, гоняющиеся за мной по парковке. Они размером с человека, бегают за мной, и мы наматываем бесконечные круги, пока я пытаюсь убежать. Мои менеджеры настояли на том, чтобы я выступала в одних и тех же Ботинках. Мой фирменный образ – сапоги на всю длину моих ног.

Я высокая: пять футов, восемь дюймов – настоящий ги-

---

[1] Вода с определенным способом фильтрации.

гант в Сеуле. Но не существует понятия «слишком высокий».

Пока я исполняла хореографию «Heartbeat», мне удавалось игнорировать боль, простреливающую подушечки пальцев на ногах, вечно врезающиеся в попу открытые шорты и длинные пряди розового парика, липнущие к потным щекам. Эти движения я могла бы повторить с завязанными глазами и сломанными ногами. Я проделывала их сотни раз. Мое тело двигалось само по себе, словно на автопилоте. Иногда, когда я заканчивала исполнять «Heartbeat», голова моя оказывалась под странным углом, как того требовал танец, я смаргивала и невольно задавалась вопросом, где находилась последние три минуты или двадцать четыре секунды.

Когда мое тело вот так брало верх над разумом, я знала, что работаю хорошо. Меня вознаграждали за абсолютную точность, с которой я выступала.

И сегодняшний вечер не стал исключением. Я закончила песню и посмотрела в толпу, крики фанатов пронзили меня, и я вернулась в свое тело.

Наконец-то с этим туром покончено.

За кулисами меня тут же окружили люди: визажист, стилист и охранник. Я плюхнулась в кресло, мои волосы обрабатывали сухим шампунем, а лицо промокали матирующими салфетками.

– Только не убей влажное сияние, – сказала я Лонни, своему визажисту.

Лонни поджала губы:

– Тебе семнадцать, тебе не нужна эта «роса».

Хм.

Я позволила ей и дальше вытирать мое потное лицо. Танцовщицы, спотыкаясь, прошли за кулисы – группа мужчин и женщин в замысловатых сексуальных черных нарядах. Я вскочила со стула, от чего Лонни раздраженно цокнула языком, и согнулась.

– Sugohaesso! – сказала я, кланяясь. – Большое вам спасибо.

Я всегда старалась благодарить их как по-корейски, так и по-английски, потому что танцоры были родом из самых разных стран.

Они страдали вместе со мной каждую репетицию и выступление, но не получали ни капли славы. Моя признательность была искренней, хотя и ожидаемой. Звезды K-Pop всегда должны быть любезными.

Потные и измотанные, они поклонились и поблагодарили меня в ответ.

– Отлично, Лаки, – сказал один из танцоров, Джин, подмигнув. – Почти не отставала от меня.

Я покраснела. Джин был милым. Он так же был недосягаем для меня, как и большинство мальчиков в моей жизни.

– Я добью этот поворот на днях, – с нервным смехом ответила я.

Они пошли все вместе к себе в отель. Я с завистью смот-

рела им вслед. Соберутся ли они тусоваться в чьей-то комнате, поедая рамен из чашек?

Неважно. Ноги у меня отваливались. Я плюхнулась обратно в кресло.

Чья-то рука похлопала меня по спине.

– Привет. Ты тоже. Sugohaesso, – сказала помощник моего менеджера Джи Йон. Джи Йон всегда говорила мне после выступлений, что я отлично справилась, словно гордая, но строгая старшая сестра. Она была крошечной молодой женщиной, похожей на кролика, ее полнощекое лицо скрывала острая, коротко остриженная челка и огромные очки. Но она была сильной личностью, добивавшейся своего.

Она листала календарь на своем телефоне.

– У нас запланирована встреча-приветствие примерно на час, так что возьми воду.

– Что? Встреча-приветствие? – я закончила с таким пару лет назад. Это больше подходило начинающим поп-группам. По достижении определенного уровня это уже не нужно.

– Да. Поскольку это – твоя последняя остановка, мы решили, что сделаем фотосессию, – она протянула мне бутылку Evian.

– Значит, я пробуду тут еще час? – я постаралась не ныть.

– Это быстро. Войдешь и выйдешь. Разве ты не хочешь? – спросила Джи Йон, гладя поверх очков.

«Не ленись». Я покачала головой.

– Нет, нормально.

– Ладно, хорошо. А теперь давай поменяем тебе наряд на что-нибудь удобное для фанатов, – сказала Джи Йон, слегка подергивая носом, отчего очки задвигались вверх-вниз на бледном лице. – Но не сапоги, конечно. Их нужно оставить.

Конечно.

Несколько минут спустя я сидела за столом, подписывая альбомы, постеры и все, что принесли с собой фанаты. И хотя всего несколько минут назад мне хотелось забраться в постель, восторг фанатов наполнил меня знакомой энергией. Общение с ними в последнее время стало такой редкостью.

– Могу я сделать селфи?

Я посмотрела на девушку с брекетами и стрижкой пикси, и уже собиралась сказать «да», когда мой телохранитель Рен Чанг встал передо мной и покачал головой.

Я бросила на девушку извиняющийся взгляд, прежде чем ко мне подошел следующий фанат с плакатом на подпись.

В первые дни мне хотелось обнять всех и поговорить со всеми, кто стоял в очереди, чтобы увидеть меня. Но чем больше становилось поклонников, тем более расплывчатыми и безликими они казались. Я боролась с тем, чтобы не отвечать им сухо и официально.

– Спасибо, что пришли, – сказала я с улыбкой пожилому мужчине, подписывая его плакат черным маркером.

Он кивнул, не глядя мне в глаза. Но его рука задела мою, когда я возвращала плакат, и он подвинулся ближе. Я почувствовала запах того, что он ел, тепло его тела. Не те-

ряя ни секунды, Рен твердой рукой оттолкнул его. Я виновато улыбнулась мужчине, хотя внутренне отшатнулось. Большинство моих поклонников-мужчин были совершенно нормальны, но существовали чрезвычайно энергичные, потные индивиды, приближавшиеся ко мне с такой скоростью, что я пугалась. В такие моменты мне все равно приходилось вести себя любезно. Всегда с благодарностью за то, что у меня есть.

В конце концов, очередь закончилась, и я встала, помахала и поклонилась ряду кричащих и ликующих фанатов. Они взревели, когда я показала знак мира, и меня утащили через заднюю дверь.

Едва я вышла на улицу, на меня обрушились папарацци и фанаты.

Вспышки фотокамер, голоса, выкрикивающие мое имя, толпы людей.

Рен и еще несколько телохранителей сомкнулись вокруг меня, словно защитная мембрана. Люди напирали на них, и круг безопасности колебался, пока мы шли узким переулком к фургону.

– *Лаки, люблю тебя!* – прокричала девушка. Инстинктивно мне захотелось посмотреть туда и сказать: «Спасибо!», но это открыло бы шлюзы. Я давным-давно усвоила этот урок.

Вместо этого я смотрела вниз, на ноги Рена, шагающего впереди. Я успокаивала бешено колотящееся сердце, заставляя себя сосредоточиться на его шагах. Иначе я бы впала в настоящую панику от мыслей о том, что меня растопчут

миллионы людей, желающих заполучить частичку меня.

Моя охрана замедлила шаг, и я подняла глаза. Машина была рядом, но люди загораживали ее. Прибыла полиция, и энергия накачивалась сама собой – та стадия мании, которую никто не мог контролировать, когда взрослые мужчины с огромными-руками отбивались от девочек-подростков, беспомощно наблюдая, как они, дикие и голодные, перелезают через них, словно через деревья.

Мое сердце бешено колотилось, ладони вспотели, на меня накатила волна тошноты.

– Держись поближе, – тихо сказал Рен, закрывая широкой рукой мой торс.

– Как будто у меня есть выбор? – спросила я охрипшим после выступления голосом. Я чувствовала раздражение на Рена безо всякой причины.

– Или тебя могут затоптать, – мягко ответил он. Рен был ровесником моего отца, но поддерживал себя в олимпийской форме. И не мог похвастаться чувством юмора.

Я подошла ближе – и через несколько секунд свежий воздух прорвался сквозь круг, стену тел. Мое сердце вновь билось нормально, и я подняла лицо к яркому горизонту Гонконга. Он мелькнул передо мной на секунду, прежде чем меня благополучно посадили в фургон.

Первое, что я сделала, – это сняла долбаные сапоги.

Глава вторая
Джек

Я смотрел на президента Гонконгского строительного банка, пока он разглагольствовал о кварталах и еще о чем-то столь же скучном, пока глаза не начали слезиться от боли. Глазные яблоки человека не предназначены для того, чтобы так долго фокусироваться на одном объекте. Я проверил время на телефоне. О, боже. Уже тридцать минут? *Тридцать минут!* Сколько можно говорить о банковских делах?

– Па, – прошептал я, ткнув его локтем.

Не сводя темных глаз с парня, выступавшего со сцены, мой отец не ответил. Его губы были упрямо сжаты на квад-

ратной челюсти. Аккуратная линия волос встречалась с накрахмаленным белым воротничком рубашки. Он сидел с невероятно прямой спиной на своем стуле в банкетном зале отеля, неудобном, обтянутом атласной тканью кремового цвета. Я пихал его, пока он наконец не взглянул на меня раздраженно, нахмурив брови.

– Что? – прошептал он.

– В какой момент станет… ну, знаешь, весело? – шепотом спросил я.

– Малыш, ты действительно думал, что ужин в честь годовщины открытия банка будет веселым? – спросил он со смешком.

Хороший довод. Я оглядел банкетный зал отеля, полный банкиров в официальной одежде, поедающих гребешки. Это был, наверное, самый депрессивный пятничный вечер в моей жизни.

– Ну, я думал, что еда, по крайней мере, будет вкусной, – пробормотал я.

– Эй, это бесплатно, – он оглянулся, прищурившись на меня из-под редких прямых бровей. – Ты должен остаться.

Я вздохнул и откинулся на спинку стула, мрачно улыбаясь другим людям за нашим столом, которые уже начали на нас пялиться.

– Знаешь, когда я хотел взять год перерыва, я имел в виду совсем другое. Больше походов, меньше банкетных залов, – пробормотал я.

– Не может быть, – его губы дернулись в усмешке.

Когда я объявил, что хочу взять перерыв на год перед колледжем, мои родители согласились на это только при условии, что осенью, после окончания школы, я начну стажировку в банке отца. На дворе уже был январь, и работа на неполный рабочий день медленно убивала меня скукой.

Человек на сцене наконец закончил свою речь, и все вежливо захлопали. Слава богу. Люди бросились к десертному столу, и я уже собирался пойти взять торт, но отец остановил меня.

– Джек, я хочу, чтобы ты познакомился с некоторыми людьми, – сказал он, помахав паре. Я мысленно застонал. Он бросил на меня предупреждающий взгляд. – Эта стажировка – не формальность. Предполагается, что ты познакомишься с людьми. У некоторых из присутствующих связи в лучших колледжах Штатов.

Здорово. Я нацепил свою очаровывающую улыбку. Она была очень действенной.

Высокая азиатка с темно-красной помадой на губах протянула мне руку.

– Джек! Мы рады, что ты пришел. Отлично для начала карьеры.

– Спасибо, Кэролин, – сказал я. Ее брови приподнялись в приятном удивлении. Я хорошо запоминал имена. – Но давайте будем честны, я тут ради торта.

Она запрокинула голову и рассмеялась, так же, как и ее

компаньон – дородный индиец в дорогом костюме. Нихил, если я правильно запомнил.

– Обязательно попробуй тирамису, – сказал Нихил с изысканным британским акцентом.

– Итак, как проходит твой год-перерыв, Джек? У меня остались приятные впечатления о путешествии с рюкзаком по Европе.

Я бросил на отца очень внимательный взгляд. Видишь? *Пеший туризм! Это – то, о чем я говорил!*

Но ответил:

– О, отлично. Думаю, можно многому научиться до колледжа, и у меня есть возможность сделать это, – это была тонкая издевка над реальностью, и, думаю, отец ее уловил.

Нихил щелкнул пальцами.

– У меня есть вопрос про камеры, Джек!

Я остолбенел.

– М?

– Да, я видел тебя в кабинете с модной камерой, – сказал он. – Ты ведь разбираешься в них? Мне нужен совет.

Отец заерзал рядом со мной, и напряжение поползло по моей спине.

– Конечно. Какая камера вас интересует?

Нихил описывал, что он хочет, а я старался сохранить нейтральное выражение лица. Да, я кое-что знал о камерах. Я увлекался фотографией уже много лет, с тех пор как получил свой первый фотоаппарат на Рождество от родителей –

Canon Rebel, который я повсюду брал с собой. Мои родители считали это хобби. Они ясно дали мне это понять, когда я стал смотреть арт – программы в колледжах для поступления. Они отнеслись к этому крайне скептически и принялись подталкивать меня к бизнесу и инженерии.

Это убивало во мне желание учиться дальше. Почему я и попросил каникулярный год. Идея изучать бизнес или что-то в этом роде вместо фотографии вызывала у меня панику.

Главное, о чем я не сказал родителям: я не был уверен, что вообще хочу поступать дальше в колледж. Он казался теперь чем-то далеким. Таким далеким, что я не знал, станет ли он когда-нибудь частью моей жизни. Я видел, к чему это ведет. К банкетному залу, нелепо дорогому костюму и тирамису.

Я взглянул на отца в его дорогом костюме. У него тоже была не та жизнь, которую он хотел. В колледже мой отец изучал писательское мастерство. Даже получил диплом магистра искусств. Но жизнь и обстоятельства привели его сюда.

После того, как я дал Нихилу несколько советов по работе с камерой, разговор перешел на тему финансов, поэтому я пошел к десертному столу. Но все выглядело неаппетитно. Воротник рубашки душил, гул банкетного зала оглушал. Экзистенциальный ужас наполнял меня каждое мгновение, что я находился тут. Я чувствовал, как течет время, как стареют мои клетки. Я сделал глубокий вдох, мой разум лихорадочно искал способ отсюда свинтить. Заболеть? Мой отец – гермо-

фоб, это может сработать.

Я вернулся к столу, сел рядом с отцом и закашлялся так сильно, что он отшатнулся.

– Чувствую себя не очень, – слабо пробормотал я, преувеличивая.

– Это потому что ты постоянно переохлаждаешься, – проворчал папа. – В этом твоем отеле хотя бы есть отопление?

Моим родителям очень не нравилась моя комната в Сёнване. Как только я окончил школу, я съехал, практически не имея денег, и мое текущее жилье демонстрировало это. Хотя район, в котором я жил, был модным и довольно дорогим, я выбрал один из старых многоквартирных домов. Квартиры там были крошечными и обычно располагались над витринами магазинов, в которых продавалась сушеная рыба и травы. Но поскольку район был перспективным, это все равно было больше, чем я мог позволить себе, и мне нужен был сосед по комнате. В двухкомнатной квартире. Это был стресс – платить аренду и еще что-то откладывать. Я не был уверен в том, что смогу продолжать в том же духе долго, и делал все возможное, чтобы избежать будущего, на которое надеялись мои родители.

– У нас есть отопление, – легко солгал я. – Но у меня все равно начинает болеть горло.

Папа устремил на меня проницательный взгляд.

– Ты притворяешься больным, чтобы сбежать отсюда?

Я шмыгнул носом – очень правдоподобно.

– Зачем? Ты же знаешь, как я этого ждал. Мой первый банкет. Или типа того.

На лице его отражался скептицизм, но я чувствовал, что его фобия пересиливает интуицию.

– Хорошо, все равно все уже заканчивается. Иди домой и отдохни. Сказать маме, чтобы прислала немного еды?

Самая легкая победа из всех.

– Не, спасибо. Возьму конджи дома за углом.

Он пробурчал, что корейская рисовая каша на молоке лучше конджи, мы попрощались, и я наконец вышел из банкетного зала в вестибюль шикарного отеля.

Моя семья была не из Гонконга. Оба моих родителя иммигрировали в США из Кореи, когда были детьми, а я родился и вырос в Лос-Анджелесе. А потом, год назад, мой отец получил заманчивое предложение работы в банке в Гонконге, и не смог от него отказаться. Гонконг был финансовой и банковской столицей Азии.

Все всегда упиралось в деньги. Мой отец отложил свою мечту написать великий американский роман, когда семья мамы начала давить на него, чтобы он получил «настоящую работу», и это привело его в банк. А потом появились дети. Что еще больше укрепило его позиции в банковском мире. И вот так мы очутились тут.

Два швейцара открыли передо мной двойные двери, и я нырнул наружу, кивнув в знак благодарности. Взглянул на отель снаружи, – изящную, головокружительную башню из

стекла, окруженную другими небоскребами. Многие из них сияли розовой или зеленой подсветкой. От воды поднимался легкий туман, придавая всему сказочный, футуристичный вид.

Это было странно. Несмотря на то, что тоска по дому сначала едва не убила меня, мне начинало тут нравиться. Иногда отправляешься в какое-то новое место, и оно кажется тебе странно знакомым, как будто ты видел его однажды во сне.

Я не романтизирую, ничего подобного.

Я шел по изогнутой подъездной дорожке отеля. Роскошные автомобили стояли вдоль тротуара, и я едва не попал под один такой – черный Escalade, с визгом притормозивший у входа. Парковщики бросились открывать заднюю дверь, оттуда вышел белый парень в темных очках с копной рыжих волос.

Я узнал эти рыжие волосы. Это был Тедди Слейд, звезда американских боевиков. Матерь божья, он что, остановился тут? Это сомнительное ощущение чего-то родного заставило меня остановиться и последовать за ним обратно в вестибюль. Он шагнул прямо в открывшийся для него лифт.

За ним в лифт вошла женщина в темных очках и в темном пальто.

У женщины был профиль Гонконгской суперзвезды Селесты Цзян. Я не мог в это поверить. Тут же написал Тревору Накамуре:

«Прямо сейчас в отеле «Скайлофт» я смотрю на Тедди

Слейда. С ним Селеста Цзян».

Тревор был редактором самого большого и грязного таблоида Гонконга – «Слухи». И я работал на него. Он сразу же написал в ответ:

«*Все пытаются получить доказательства этой связи. Можешь сделать фото?*».

Последние шесть месяцев я подрабатывал для Тревора, делая ему фото где только мог. Мои родители, конечно, понятия не имели об этом.

Я отправил ответ: «*Могу*». Затем проследил цифры на лифте. Лифт не останавливался вплоть до пентхауса.

«*Есть*».

У стойки регистрации я получил теплый прием. В шикарных отелях ко всем относятся хорошо, потому что никогда не знаешь, с кем разговариваешь на самом деле. Я мог оказаться сыном Джеки Чана.

– Добрый вечер, сэр, чем можем помочь? – меня приветствовала опрятная молодая женщина с легким акцентом. Я присмотрелся к ней… я знал, что в подобных отелях не гостям не разрешалось подниматься в номера. Именно поэтому тут и останавливались знаменитости. Это был небольшой люксовый отель, и персонал, вероятно, знал большинство своих гостей. Нужно быть осторожным.

Я быстро улыбнулся ей и взглянул на ее бейдж с именем.

– Привет, Джессика. Я встречаюсь с другом, который остановился тут. Могу я подождать его здесь? – я позволил сво-

ему взгляду задержаться на ней подольше.

Она покраснела и улыбнулась мне в ответ.

– О, конечно, наверное, лучше – в вестибюле у лифтов. Так ваш друг сразу же вас увидит.

– Спасибо, Джессика, – я легонько прикоснулся к ее руке, прежде чем пройти в вестибюль. Зная, что она еще наблюдает за мной, я сел в одно из бархатных серо-голубых кресел и достал телефон, как будто отправляя сообщение другу. На самом деле я изучал отель. Сколько номеров было в пентхаусе?

Точно. Их было два. Просто.

Я подождал еще несколько секунд, прежде чем снова взглянуть на Джессику, которая уже помогала другому гостю. Я быстро оглядел вестибюль, тускло освещенный и заставленный изящной мебелью. И цветами. Множеством букетов.

Лифт звякнул, я поднял взгляд. Мужчина и женщина, громко переговариваясь, с австралийским акцентом, вышли из лифта, а внутрь вошла азиатка в узорчатом шарфе. Я встал, стащил один из букетов, стоящих на кофейном столике, и проскользнул внутрь вслед за ней, отступив в угол.

Букет оказался куда более массивным, чем выглядел, стоя на столе, и практически раздавил даму в лифте. Я даже не мог ее видеть. Я услышал, как она фыркнула, когда обошла меня и выбрала этаж. Выглянув из-за листвы, я увидел, что загорелось «17». Точно. Нужна ведь дурацкая карточ-

ка-ключ, чтобы выбрать этаж.

– Черт. Не могу дотянуться до своей карты с этим чудовищем, – сказал я с отработанным британским акцентом, которым обычно щеголяют гонконгские дети, выросшие в интернатах. – Не могли бы вы нажать для меня этаж пентхауса?

Женщина издала многострадальный вздох, и я услышал, как она нажала на кнопку.

– Бесконечная благодарность, – сказал я из-за гигантских лепестков лилий фламинго с розовыми прожилками. Она не ответила.

Круто, леди. Кого волнует то, что вы могли впустить в отель корейского Теда Банди?

Женщина вышла на своем этаже, и я испустил мучительный вздох.

– Спокойно ночи! – сказал я, когда она выходила. Она все равно не ответила, и двери за ней закрылись. – Скатертью дорога.

Лифт взлетел прямо на этаж пентхауса.

Время делать фото.

Глава третья
Лаки

– Нам обязательно смотреть это сейчас? – я уставилась на своего менеджера.

Джозеф Йим не отвел взгляда.

– Через три дня ты участвуешь в шоу «The Later Tonight». Если есть возможность сделать что-то лучше, мы должны позаботиться об этом сейчас, не так ли? – его льдисто-голубая рубашка была накрахмалена и заправлена в темно-синие брюки. Он обращал на себя внимание высокими скулами и стальным цветом глаз. Ему было всего под тридцать, и он был кем-то вроде вундеркинда на K-Pop сцене. Под его лей-

блом уже записано немало синглов горячей сотни. Говорили, у него сверхъестественная способность предугадывать, кто станет следующей большой звездой. Jaeneung, дарованием. И на данный момент его главным создателем хитов была я.

И если все пойдет по плану, я стану не только царствующей королевой K-Pop, но и международной поп-звездой. Шоу «The Later Tonight» должно было сделать меня популярной в Америке.

Америка. Последний рубеж. Не многие K-Pop исполнители преодолели его. K-Pop бесспорно завоевывал популярность в США, но еще не было женщины – звезды K-Pop, песни которой крутили бы на американском радио наравне с хитами Бейонсе или Тейлор Свифт.

На данный момент я была звездой с потенциалом. Мое имя, которое на английском значит «удача», меня не подвело – Джозеф считал меня своим сокровищем. Не маленькую армию самочек, танцевавших с потрясающей синхронностью. Не красивых мальчиков с растрепанными волосами, выступавших с атлетизмом гимнастов и читавших рэп.

Меня. С «удачным» именем. С ангельским голосом, от которого у Джозефа на глаза навернулись слезы, когда я проходила прослушивание. С «естественным» маленьким лицом и большими глазами, продававшими массу косметических продуктов. С благословенным ростом, позволявшим возвышаться над коллегами из женских групп. С точными и женственными движениями, в которых никогда не было ошибок.

С безупречным английским.

Я была молнией в бутылке, и звукозаписывающая компания возлагала на меня все надежды и мечты об американском мейнстриме.

Никакого давления или чего-то еще.

Спустя несколько часов после концерта Джозеф и Джи Йон все еще пытали меня в моем гостиничном номере, на мраморном кофейном столике между нами стоял ноутбук. Джозеф хотел пересмотреть мое сегодняшнее выступление, и оба – он и Джи Йон, выжидающе смотрели на меня.

Я могла пойти спать. Я продвинулась в своей карьере настолько, что у меня уже было гораздо больше свободы, чем раньше. Но их ожидающие взгляды раздували воздушный шар давления внутри меня.

– Конечно, давайте, – сказала я с натянутой улыбкой.

Быстро нажав пробел, Джи Йон запустила видео.

Откинувшись на плюшевом диване, я наблюдала, как прыгаю, кружусь и кружусь по сцене – мои руки совершали точные волнообразные движения вокруг лица, пока я пела. Из-за дрянных динамиков ноута мой голос отдавал жестью.

Мы просмотрели все от начала до конца. Я едва замечала, что творится на экране, моргая, чтобы не заснуть. В какой-то момент мое изображение перед глазами у меня превратилось в танцующий гамбургер. М-м-м. Гамбургер.

По крайней мере станцевала я идеально. Крошечная хлопушка с конфетти взорвалась у меня в голове. Безрадостно

и слабо. Неспособность порадоваться заставила меня почувствовать себя виноватой, и я выпрямилась.

Видео закончилось, и Джозеф хлопнул в ладони.

– Хорошая девочка, – сказал он, тихо хохотнув. – Вот почему ты всего добьешься. Ты надежная.

Надежная! Настоящая музыка для ушей исполнителя. Я кашлянула в кулак, чтобы подавить смех, поднимающийся к горлу.

Джозеф вскинул голову.

– У меня есть идея, – Боже, только не еще одна. – Давай посмотрим твое самое первое исполнение «Heartbeat», чтобы сравнить с сегодняшним, – он улыбнулся мне. – Проиграем рядом. Чтобы увидеть, как ты продвинулась.

– Ну, именно так я представляю потрясающий вечер пятницы! – заявила я. Хотя Джозеф и Джи Йон свободно говорили по-английски, они не вполне уловили сарказм.

Джи Йон опустилась на колени и подняла айпад, чтобы экран оказался на уровне ноута, затем нашла ролик.

Он был записан два года назад. Там мои волосы были выкрашены в светло-каштановый и уложены в волнистый боб. После выхода ролика этот боб копировали тысячи девочек-подростков. Первые три басовые ноты возвестили о начале песни, и камера сместилась вниз, с блестящих волн моих волос к покачивающимся бедрам и дальше вниз, по моим ногам. Тогда на мне были черные ботильоны на плоской подошве. Мне они нравились.

Я смотрела ролик и все больше сползала к краю дивана, пока не обнаружила, что сижу буквально на краю. Я не могла не отметить, как широко улыбалась, как плавно шагала. Как блестели мои глаза. Когда я взглянула на сегодняшнее исполнение, проигрывавшееся одновременно, я увидела отсутствующий взгляд на своем лице. Два темных озера небытия. Я пристально взглянула на Лаки двухлетней давности.

В тринадцать лет, после прослушивания в студии Лос-Анджелеса – дочке моей текущей корейской звукозаписывающей компании, я переехала в Сеул, одна, за семь тысяч миль от семьи, и меня тут же сунули в тренировочный лагерь. Мои менеджеры несколько лет ждали пластической операции, давшей мне естественно выглядящее ssangkkeopul – двойное веко, ставшее настолько обычным явлением в Южной Корее, что было странно, если кто-то из поп-звезд его себе не делал. Затем – пластика маленького носа. Это называется «K-Pop – комбо».

Я выступала около двух лет в девочковой группе Hard Candy, прежде чем стала звездой. Мои менеджеры исключили меня из группы, чтобы подготовить к сольной карьере. В мгновение ока я побила все рекорды, были проданы билеты на все концерты, взяла все награды, которые только можно было взять. И одним из ключей к моему успеху стало то, что я не была замешана ни в каких скандалах. Ни одного фото, где я пью. Ни одного фото с парнем. Никаких дурных манер.

Я всегда была скромной, любезной и сдержанной.

Идеальной.

И масс-медиа любили меня за это. Со мной обращались, как с принцессой, моя аудитория яростно меня защищала. Статьи всегда были о моих добрых делах и успехах. Именно в таком порядке. Потому что мои песни не выделялись – они просто были лучшей версией того, что всегда было популярно: запоминающиеся оптимистичные танцевальные мелодии в сочетании со сладкой, проникновенной лирикой.

– Видишь? – сказал Джозеф, указывая на старую Лаки. – Вот тут ты спутала шаг. Сейчас бы ты такого не сделала. Ты должна быть довольна тем, насколько ты выросла.

Я не была довольна. Я чувствовала себя неуютно. Вспоминала старую Лаки. Радость, которую я испытывала от своих выступлений. Как я волновалась перед каждым шоу, каждой фотосессией, каждым релизом. Тогда я чувствовала себя настоящим артистом, испытывала чистые радость и любовь к тому, что делала.

Мне казалось, я все еще их испытываю, когда выступаю на сцене. Но глядя на старую Лаки рядом с новой, я кристально ясно видела контраст. Искренность.

И отточенные движения новой Лаки не могли сравниться с ней.

Глава четвертая
Джек

Держа в одной руке букет размером с сенбернара, я вынул телефон и пошел по коридору, плюшевое ковровое покрытие полностью заглушало звук моих шагов.

Быстрый поиск по Тедди Слейду: фильм, который снимали тут, в Гонконге, назывался «Бесконечная ночь». Я уклонился от причудливого буфета в коридоре, просматривая список актеров и съемочной группы. Зацепился за одно имя.

Ладно, на этом этаже два номера. Шансы пятьдесят на пятьдесят. Если их не окажется в одном номере, я попробую другой. Я остановился перед первой дверью и глубоко

вздохнул. Опустив цветы на пол, сбросил пиджак, скатал его и швырнул в коридор. Затем засунул телефон поглубже в букет, чтобы его скрыли лепестки цветов.

Моя белая рубашка выглядела помято и неряшливо, но я заправил ее в черные брюки и надеялся, что этот букет-мутант ее прикроет. С черными кроссовками ничего не поделать.

Я со стоном снова поднял цветы и постучал в дверь – три сильных, уверенных удара. Кровь бросилась мне в голову, знакомый адреналиновый удар.

Шесть месяцев назад я пробрался на вип-вечеринку, чтобы произвести впечатление на девушку, в которую был влюблен – Кортни. Мы были в ресторане и заметили, как несколько знаменитостей прошли наверх.

– *О боже, умерла* бы, лишь бы подняться туда, – задыхаясь сказала Кортни, хватая меня за руку. Какая-то первобытная часть меня встрепенулась, и я принял вызов.

Сославшись на какие-то несуществующие связи и идиотские правила, я смог протащить нас наверх. А затем сумел подвести Кортни достаточно близко к ее любимым актерам, чтобы тайком сделать несколько фото.

Тогда чья-то рука схватила меня посреди съемки. Когда я обернулся, совершенно ошеломленный, на меня проницательно смотрел длинноволосый азиат.

– Эй, парень, как ты сюда попал?

Я был готов соврать все что угодно и бежать оттуда, но

помедлил. Он улыбнулся и сказал:

– Я знаю, ты пролез без разрешения.

Что-то в этой улыбке заставило меня расслабиться.

– Да неужели?

Он кивнул.

– Что если я заплачу тебе за эти фото?

С тех пор я время от времени брался за внештатную работу для Тревора. А в последнее время задания поступали чаще. Я завоевал его доверие. Это не была работа мечты или что-то в этом роде, но я знал, что, чем больше занимаюсь этим, тем больше получаю денег. И так я хоть немного использовал свои навыки фотографа. Приходилось делать *четкие* снимки знаменитостей, садящихся в машины и все такое.

Через несколько секунд после того, как я постучал в дверь гостиничного номера, я услышал с другой стороны какое-то шарканье.

– Что это? – раздался грубый мужской голос с другой стороны.

– Доставка цветов от Мэтью Диаса. – Исполнительный продюсер «Бесконечной ночи» по версии интернета. Я говорил с сильно выраженным неописуемым азиатским акцентом, который с незапамятных времен используют стереотипные персонажи расистских фильмов. Чем меньшим количеством реплик мы обменяемся, тем лучше.

Послышался тихий разговор. Мои руки начали уставать от этого чудовищного букета. Давай, будь доверчивым и

немного глупым, Тедди.

Дверь открылась, и появился Тедди во всей своей красе любовника. Рыжие волосы растрепаны, из-под свободно завязанного халата выглядывает волосатая грудь. Он был ниже меня ростом, но крепким, как человек, которому на экране часто приходилось запугивать преступников.

– Цветы от Мэтта? – спросил он, держа одну руку на дверной ручке, закрывая мне вид на номер. Я услышал какую-то музыку. Саксофон? Реально?

Я надеялся сделать быстрый снимок какого-нибудь вещественного доказательства: женской обуви, которую позже можно было бы отследить по фото сегодняшнего мероприятия – чего угодно. Но сначала мне нужно было попасть внутрь.

– Да, сэр. Пожалуйста, позвольте поставить их куда-нибудь, – сказал я, уже медленно пробираясь в дверь. Мой акцент звучал оскорбительно для моих собственных ушей, но я знал, что Тедди это не насторожит. Большинство жителей Запада, посещавших Гонконг, говорили со мной на медленном, громком английском, предполагая, что я их едва понимаю. Это предположение заставляло людей ослаблять бдительность, недооценивая меня.

– Нет-нет, давай я возьму, – сказал Тедди, протягивая руку за цветами.

Я обошел его.

– Нет, сэр. Букет очень тяжелый и хрупкий. Очень редкие

цветы из древних тропических лесов. Вы можете их поломать, – мне нравится, как звучит слово «древний» с деланным азиатским акцентом.

Я рванулся вперед, едва не сбив Тедди с ног разлапистыми листьями. Я не знал, куда иду, пытаясь найти хоть какое-то место для этой штуки. Как и ожидалось, пентхаус был огромен, с окнами на всю стену, демонстрирующими ослепительный горизонт. Повернувшись поставить цветы на тумбу, я едва не рухнул лицом вниз, увидев Селесту Цзян, сидящую на соседнем диване. Одетую в безразмерную футболку, пьющую воду из стакана. Гламурную, спокойную и смертельно сексуальную.

Матерь божья. Это было лучше, чем я мог себе представить. Я скользнул рукой в букет, нащупывая телефон. У меня оставалось секунд пять, прежде чем все это начнет выглядеть подозрительно.

Тедди подошел ко мне сзади, и, когда я поднял взгляд, я увидел собственное отражение в огромном зеркале. А также Тедди Слейда, стоящего за букетом, и Селесту Цзян, сидящую на диване.

Мой телефон поднялся, и я сделал серию фото.

– Ладно, тебе пора, – с гневом объявил Тедди. Прежде чем уйти, я глянул на Селесту и заметил ошеломление на ее лице.

Я сунул телефон в карман, и Селеста это заметила. Ее взгляд из-под тяжелых век скользнул вниз, к моей руке, уголок рта приподнялся.

– Ты понимаешь, что этим фото разрушишь много жизней? – выражение ее лица осталось нейтральным, слова прозвучали тихо и неспешно.

На меня кричали, гонялись по улицам, но это был первый раз, когда кто-то посмотрел мне в глаза и сказал нечто настолько… прямолинейное. Просила ли она не публиковать фото?

Но затем передо мной оказался уже Тедди, и я выскочил оттуда.

– Хорошего вечера, мистер и миссис!

Дверь за мной с силой захлопнулась, и мое сердце стучало в ушах, когда я подхватил с пола пиджак и ринулся к лифтам.

Вы сами разрушили свои жизни, Селеста.

Глава пятая
Лаки

– Сегодня сразу в постель. У тебя только день на репетицию перед вылетом в Лос-Анджелес, – суетилась Джи Йон, убирая гостиничный номер. Джозеф ушел, я переодевалась в пижаму.

– Да-да, – ответила я, натягивая штаны.

Джи Йон поцокала языком.

– Не жалуйся.

– Ладно, но можно *хотя бы* что-нибудь съесть? – мой желудок заурчал при этих словах. Из-за напряженного графика гастролей сегодня я питалась лишь кокосовой водой и ба-

тончиками мюсли.

Джи Йон прислонилась к стене и прищурилась, на секунду задумавшись. Думала, должна ли я *есть*! Наконец, она кивнула.

– Ладно, мне помнится, я видела в меню какие-то соки и салаты.

Я не могла ответить, потому что перед лицом Джи Йон крутился мультяшный гамбургер. Прямо сейчас я убила бы за еду на вынос. Иногда тоска по Лос-Анджелесу окатывала меня. Я запихнула ее поглубже, как делала это всегда. Если я позволю ей меня одолеть, то уже не смогу заниматься этим. Тоска по дому, как и многое другое, была роскошью, которую я в данный момент не могла себе позволить. С этим придется разобраться позже. Ее всегда приходится откладывать на потом.

Джи Йон заказала еду, затем выскочила в коридор предупредить Рена о заказе. Рен обычно оставался у моей двери на всю ночь. В вестибюле и у машины тоже была охрана, просто на всякий случай. Это бы выглядело чересчур, если бы однажды один мой sasaeng (оголтелый фанат, обычно преследует своего кумира) не поджидал меня на заднем сиденье авто.

Вид на горизонт Гонконга, красочный и впечатляющий, заполнял мой гостиничный номер, стена из окон создавала впечатление, будто я парю в небе. Здания были массивными и стояли так близко друг к другу, что, казалось, перекрывали друг друга – неоновые фигуры, до которых рукой подать.

Но когда я подошла к окну, Джи Йон резко задернула шторы. Бескомпромиссно. И хотя я так устала, что могла бы проспать сто лет, ко мне вернулась ночная тревожность.

В детстве я ненавидела сумерки и неизбежные ритуалы перед сном – чистить зубы, надевать пижаму, выключать свет. Страх всегда нарастал во мне, когда день подходил к концу.

– Держи, – Джи Йон поставила на прикроватный столик маленькое блюдо. Две таблетки снотворного и один ативан. Снотворное было стандартным, его принимали все. Но ативан – совершенно секретен. Психические расстройства все еще были табуированы в Южной Корее, и, если кто-нибудь узнает, что я принимаю лекарства от тревоги, ну…

ПРИНЦЕССА К-РОР

ГЛОТАЕТ ЗАПРЕЩЕННЫЕ ВЕЩЕСТВА

Корейская пресса сожрет меня заживо. За ней последует вся Азия. И тогда моя карьера рухнет, как звезда, наконец уступившая гравитации.

Я зачерпнула их в ладонь, мои длинные персиковые ногти царапнули при этом тарелку, и проглотила таблетки, запив парой глотков воды. Когда я съела свой ужин – небольшую порцию салата и зелени с легкой заправкой из оливко-

вого масла и гарниром из миндаля, – Джи Йон ушла в свою комнату рядом. Хотя я стремилась к уединению, мне было сложно засыпать одной. Джи Йон, с которой мне было комфортно, всегда была рядом, и это оказалось преимуществом поп-звезды.

Но сегодня вечером, когда я беспокоилась о своем предстоящем американском дебюте, мне требовалось больше утешения, чем обычно. Я отодвинула тарелку от салата в сторону и позвонила маме. Для моей семьи это было раннее утро, но они не будут против. Родители всегда находили время поболтать со мной, потому что мы были далеко друг от друга. На третьем гудке мама ответила – экран на мгновение потемнел и расплылся, затем появилось ее лицо, глаза, далеко посаженные от носа-пуговки, пряди волнистых волос, обрамляющие гладкое лицо.

Она прищурилась, глядя на экран.

– Что-то случилось? – типичное приветствие моей мамы.

– Привет, Умма. Нет, все в порядке. Просто звоню, – сказала я задыхающимся голосом. Прошло три недели с тех пор, как мы разговаривали, и *до этого момента* я не ощущала дистанции. Увидев маму и услышав ее голос, я тут же лишилась присущей поп-звездам уверенности. Я снова стала обычной собой.

Затем, оттеснив мамино лицо, на экране появилось папино. Его волосы цвета соли с перцем были растрепаны, и он надел очки в черной оправе.

– О! Почему ты еще не спишь?! – мой отец всегда выглядел, будто взволнованный профессор волшебной школы.

– Тут всего около десяти, – сказала я со смехом, наблюдая, как мои родители борются за место на экране. – Я вас разбудила?

Моя мама пренебрежительно махнула рукой.

– Не меня. Теперь я встаю раньше твоего папы.

– Ну да, ну да, в каком мире? – сказал папа, как всегда мешая корейский с английским. – Только на этой неделе, потому что…

– Он смотрит эту «Игру престолов», – перебила моя мама. – Не знаю, как он может смотреть это перед сном, – она содрогнулась. – Ужасно.

– Ты это смотришь? – спросила я, вскинув брови. – Аппа, это так жестоко. И как вообще можно уследить за сюжетной линией?

Мама расхохоталась, а папа взволнованно поправил очки.

– Ладно-ладно, ты считаешь, будто твой Аппа – настоящий babo. – Корейский синоним слова «дурак» всегда заставлял меня хихикать.

– Нет, не считаю! – запротестовала я. – Но там так много персонажей и такой сложный фэнтези-мир… – я замолчала, когда экран внезапно заслонил пуховый шарик с черными глазками. Ферн, их померанцкий шпиц.

Он взвизгнул в экран, затем на пару минут воцарился хаос, поскольку мама пыталась поднести собаку к телефону в

режиме селфи. Нос пса ткнулся в камеру, и я засмеялась, услышав визг на заднем плане.

– Да *боже мой*! Почему вы шумите в такую рань?

Ах, безошибочно узнаваемые слова разгневанного пятнадцатилетнего подростка.

– Тут твоя сестра! Поздоровайся! – сказал мой отец, поворачивая телефон, пока я не уставилась на лицо своей сестры. Оно было и похоже, и не похоже на мое – более полные щеки, широкий рот, глаза больше.

– Привет, Вивиан, – сказала я.

– Привет, – пробормотала она. – Ненавижу видеозвонки.

– Что запланировала на сегодня? – спросила я, прекрасно зная ответ.

– Ничего, – она избегала смотреть на меня, но я видела ее взгляды украдкой. – Ты что, сделала микроблейдинг?

– Нет! – я коснулась своей натурально широкой брови.

– Хм. Выглядит странно.

Никто так не может заземлить, как младшая сестра.

Вмешались родители, принявшись излагать планы на выходные. Обыденность в их делах казалась мне такой приятной – разговор, не затрагивавший моей работы, графика, поклонников. Когда я зевнула, мама нахмурилась.

– Эй, тебе пора спать. У тебя был долгий тур, а сейчас надо готовиться к шоу, так ведь?

Я кивнула.

– Ага. Понедельник. Скоро увидимся, да? – после съемки

они будут ждать меня в гримерке.

– Конечно! – ответил папа. – Ешь хорошо, чтобы было много сил.

Беспокойство, появившееся на их лицах, наполнило мои глаза слезами. Я нацепила на лицо сияющую улыбку.

– О, я в этом туре отлично питалась. Много пельменей, лапши и всего такого.

Они кивнули, довольные. Конечно, это была ложь. Одна из многих, чтобы мои родители не сошли с ума. Если бы они знали, как мало я ем и сплю… что ж, я не могла не делать этого. Я знала, на какие жертвы пошла моя семья, чтобы я оказалась тут. Самое меньшее, что я могла сделать – не позволить им беспокоиться обо мне.

Я повесила трубку, но тоска по дому давила на меня. Или это было снотворное? Конечности налились тяжестью, но мой разум лихорадочно работал. Я заползла в постель, не умывшись и не почистив зубы, пушистое белое одеяло поглотило меня, словно чудовище. Роскошные простыни скользили по мне, охлаждая мою уютную пижаму. Я тепло одевалась на ночь – привычка, которую я приобрела, живя в Корее.

В первую ночь, которую я провела в общежитии тренировочного лагеря, я легла спать в майке и трусах, и другие девушки подняли меня на смех. Так же, как когда я сказала ppanseuh – как называли нижнее белье мои родители. Еще один промах, делавший очевидным мое американское про-

исхождение. Вероятно, это старое японское слово использовали сейчас лишь бабки. Крутые ребята тут говорили «труселя». Или трусики. И никто не спал здесь *только* в трусах.

Сестринство, испытание огнем – это я прошла в первые пару лет обучения. Все для того, чтобы оказаться тут, в этом самом гостиничном номере, в этом городе, так далеко от дома. Чтобы подняться на вершину, став звездой K-Pop. Принцессой, королевой. Иллюзия в пастельных тонах и сапогах на шпильке.

Знаете, в последнее время моя обувь раздражала меня ужасно. Звучало как: «Не позволяйте Лаки носить обувь на плоской подошве, не дай бог, в ней всего пять футов, десять дюймов!». ПЯТЬ! ДЕСЯТЬ! ЭТО! ВЫСОКИЙ! РОСТ!

Когда я начинала думать капс-локом, это означало, что таблетки начали действовать. Я металась в постели, пихала подушку, чтобы взбить ее еще немного. Но, то ли от голода, то ли от раздражения, или от чего-то еще, я никак не могла заснуть. Будильник был выставлен рано, чтобы успеть отрепетировать. Я не могла облажаться на шоу, нет сээээр.

М-м-м. Гамбургеры.

Это стало проблемой. Я все еще была чертовски голодна. Я сбросила одеяла и открыла чемодан. Не став снимать пижамную рубашку, я вылезла из штанов и натянула черные рваные джинсы. Надела свою любимую бейсболку, не привлекавшую ко мне внимания. Мой розовый парик бережно хранила Джи Йон. Затем я накинула тренч верблюжьего цве-

та и поискала кроссовки, но нигде не смогла найти их.

– Заметка для себя, – пробормотала я. – Кто-то крадет мою обувь.

Бросила взгляд на белые гостиничные туфли рядом с постелью. Они должны подойти.

Я как раз собиралась открыть дверь и выпорхнуть отсюда, когда сообразила, что снаружи стоит Рен. Я погрозила двери кулаком, и в смятении опустилась на колени.

Затем выпрямилась, волосы взметнулись за спиной от быстрого движения. Нет, я смогу. Я умна. Все говорили так, пусть даже потому лишь, что моя звукозаписывающая компания утверждала, будто я поступила в Гарвард.

ХА-ХА-ХА.

Да, круто, документы в Гарвард я подала, питаясь сладким картофелем и учась крутить пируэты против часовой стрелки.

Ладно. Думай, Лаки. Думай.

Через секунду я постучала в дверь.

– Рен? – позвала я тонким, жалостливым голосом.

– Да? Все в порядке? – прогрохотал из-за двери голос Рена.

– Ничего особенного, но… ну… Джи Йон спит, а, хм, ну. Мне нужны таблетки. От менструальных болей.

Даже через толстую дверь я почувствовала его отвращение.

– Прости, – мило добавила я.

– Что за таблетки нужны? – спросил он, раздражаясь и пыхтя.

– Мидол. Или китайский аналог. Скажи им, в чем проблема, они сами знают, что дать.

Я услышала, как он ворчит, и подождала, пока не стихнут тяжелые шаги. Через несколько секунд приоткрыла дверь выглянуть в коридор. Я была одна на этаже пентхауса, вокруг ни души.

Осторожно прикрыв за собой дверь, я помчалась по коридору, переходя с бега на крадущуюся походку, и снова на бег. Как лучше всего незаметно сбежать?

Лифты располагались в конце коридора, один стоял открытым и ждал меня. Я забежала внутрь и ударила по кнопке с номером один, чувствуя облегчение, но в этот момент в двери вцепилась рука и заставила их распахнуться. Дерьмо. Я отошла в угол и спрятала лицо.

– Спасибо, – сказал мужской голос. Я подняла взгляд. Это был какой-то молодой азиат, комкавший в руках пиджак. Я еще сильнее вжалась в угол, как можно дальше от него. Но он не обращал на меня внимания.

Парень улыбался и натягивал мятый пиджак. Затем он вытащил рубашку из-за ремня и растрепал волосы.

Я не могла не смотреть на него. Какой странный. Симпатичный. Невероятные волосы. Высокий. Широкие плечи в сочетании с длинными конечностями. Но очень странный. От него исходила какая-то маниакальная эйфория. Я вжа-

лась в стену, когда он начал посмеиваться, просматривая свой телефон. Ладно, сэр.

Я постаралась успокоить свое скачущее сердце, молясь, чтобы больше никаких пассажиров не было. К счастью, так и случилось, и я едва дышала, когда лифт остановился на первом этаже.

Когда я вышла, то ступила на ковровую дорожку, но это был не вестибюль. Я растерянно оглянулась на лифт.

– Если нужен первый этаж, это уровень G, – сказал парень, едва подняв взгляд от телефона.

Со всей гордостью, какую я смогла изобразить, я сказала:

– Нет, все верно, – и пошла прочь. Несмотря на то, что я понятия не имела, где я, черт возьми. В тапочках отеля.

Отели. Знаю я отели. Я зайду в вестибюль и сдержанно спрошу, где лучшие бургеры. Так что я спустилась по лестнице еще на один этаж.

Божечки-кошечки! Я сделала это! Я шагала ликуя. *Ничего особенного. Помнишь неделю, в которую ты проспала всего восемь часов и тебя госпитализировали с обезвоживанием на вручении премии «МТВ Азия»? Этот побег из номера ничто в сравнении с тем, что было!*

В безупречно оформленном вестибюле не было ничего лишнего. Менеджеры всегда бронировали для меня скромные люксовые отели, надеясь, что они более приватны, чем большие роскошные отели.

Двое моих охранников лениво болтали у стойки парков-

щика, а я спряталась за гигантской пальмой в горшке рядом со стойкой регистрации.

– Привет, – поприветствовала я служащую за стойкой, как я надеялась, непринужденным, очень нормальным тоном. – Не подскажете, где тут поблизости вкусные гамбургеры?

Один из молодых людей за стойкой безмятежно улыбнулся.

– Конечно, мисс, в торговом центре при отеле есть ресторан в американском стиле, – он смотрел в сторону входа, но затем медленно обернулся ко мне, и на лице его прочиталось узнавание.

Черт возьми. Меня узнавали даже без розовых волос. Я надвинула козырек ниже.

– Большое спасибо! – крикнула я через плечо, скользнув через двойные стеклянные двери в торговый центр.

Торговые центры Гонконга – это не шутка. Это гигантский бесконечный лабиринт из стекла и светло-серого гранита с бесконечными полами и сияющими повсюду светильниками.

Я застыла на месте, обнаружив, что меня окружают люди. В основном – молодые люди. Что они делали так поздно в торговом центре? Оглядевшись, я увидела, что открыто несколько баров и шикарных зон отдыха. Этот город никогда не спал.

Не знаю, в чем дело, может в таблетках, но обычная паника, которую я ощущала, попадая в толпу, не появлялась.

А может, это из-за того, что образы гамбургеров все еще

плясали у меня в голове. Так что я пошла дальше, держа голову ниже и подняв ворот плаща. Это было более или менее подозрительно? Я чувствовала себя дурацкой Розовой Пантерой.

Я добралась до карты торгового центра и уставилась на нее. Что, черт возьми, это такое? Все тут было цифровым. Я несколько раз коснулась экрана, но мысленные усилия, требовавшиеся, чтобы разобраться в этом, грозили привлечь ко мне внимание.

Ладно, Лаки. Следуй чутью. Да, отличный план. Нос у меня очень чувствительный.

Торговый центр был бесконечным. Я проходила один роскошный магазин за другим. И модные рестораны, но ничего такого, что обещало бы роскошный жирный бургер. Через несколько минут я оказалась у эскалаторов, поднимающихся от станции метро. Пытаться сориентироваться в торговом центре Гонконга, борясь со сном и таблетками от тревожности, было не просто. Голова немного кружилась, и все вокруг начало расплываться в мягком свете.

Пытаясь сориентироваться в этом состоянии, я не заметила гигантскую группу людей, выходивших из метро, и меня затянуло в толпу. Боясь, что меня узнают, я шла в ногу со всеми, пока не почувствовала порыв прохладного воздуха.

Когда толпа растворилась, я обнаружила себя на улице Гонконга. Одну.

Глава шестая
Джек

Помните ту сцену в «Гарри Поттере», где они едут по Лондону в безумном двухэтажном автобусе?

Гонконгские автобусы почти такие же.

Сидя на верхнем ярусе одного из них – одного из многих культурных пережитков британской колониальной истории Гонконга – я видел полные в вечер пятницы извилистые улочки центра.

Гонконг был большим, он раскинулся на острове Гонконг, частях материка Коулуне, Новых Территориях, и включал в себя еще кучу маленьких островов. Коулун располагался по

другую сторону гавани Виктория. Я жил на острове Гонконг, и сейчас автобус ехал через центр, экономическое и финансовое сердце города, находящееся у северной оконечности острова, у воды. Тут было полно небоскребов и шикарных многоквартирных башен, расположенных у туристических маршрутов, и все ассоциировали этот район с Гонконгом.

Когда мы переехали сюда, тоска по дому тут же сменилась интересом. Я влился в эту атмосферу Гонконга: в Азии все искрилось электричеством *будущего*. И что-то в этом заставляло меня чувствовать себя живым. И в таком огромном городе, как этот, было бесконечно много пространства для импровизации. Для переосмысления. Можно было делать все, что захочешь. Это оказалось полной противоположностью взросления в пригороде Южной Каролины, где, казалось, все шли одной дорогой. Где ночные развлечения ограничивались торговыми центрами и кинотеатрами. Где, несмотря на необъятные просторы вокруг, ты чувствовал себя в ловушке.

Автобусы мне нравились по многим причинам, а прямо сейчас это было отличное место для работы. Все еще под кайфом от того, как все получилось, я отправлял фото Тревору. Они вышли великолепными. Даже с тусклым освещением и из-за листьев можно было рассмотреть Тедди и Селесту вдвоем в гостиничном номере. С каким-то силуэтом случайного чувака, склонившегося над букетом. Я поиграл с фильтрами, чтобы сделать их лица резче, а свое – скрыть в тени. Это станет моей крупнейшей добычей.

Слова Селесты эхом отдавались в голове, пока я сортировал фото. *«Ты можешь разрушить множество жизней»*. Несколько месяцев назад этот комментарий обеспокоил бы меня. Проник бы глубоко и заставил бы мучиться угрызениями совести. Но пройдя через десятки встреч со знаменитостями, увидев, как они заводят романы, как обращаются с обслугой, словно с мусором, как устраивают истерики и кричат на собственных детей – я стал бесчувственным. Теперь это было работой. Вот так. Ничего личного, но такова цена славы, Селеста.

Я тут же получил ответ от Тревора: *«Хорошая работа. Еще одна сенсация, и я возьму тебя на полный рабочий день»*.

Полный рабочий день? Я выпрямился на пестро обитом сиденье. Я знал, что в последнее время Тревору нравилась моя работа, но это было что-то новенькое. Новая возможность. Появится альтернатива колледжу. И даже если мои родители узнают… ну, теперь я смогу сам заработать на жизнь. Мне не придется жить с их разочарованием в моих жизненных выборах. С их надеждой на то, что я стану изучать бизнес, инженерию или нечто подобное. То, что мои родители предпочли стабильность тому, что их действительно интересовало, не означает, что я должен поступить так же.

Автобус внезапно остановился, и когда я выглянул в окно, то понял, что проехал полный круг – я снова был у отеля. Я проверил свой телефон. Еще не было и одиннадцати. У меня оставалось время встретиться с другом и чего-нибудь

выпить. В Гонконге можно было пить с восемнадцати, что свело меня с ума, когда мы сюда переехали.

Я написал своему соседу по комнате, Чарли Ю.

«Есть время выйти выпить?»

Он ответил через минуту.

«УРА. Через пару часов смогу сделать большой перерыв.☺».

Когда его дядя вышел на пенсию, Чарли унаследовал его таксомоторный бизнес и его классическую красную Тойоту. Это был Гонконг, и Чарли работал по ночам. Часто он брал длинные перерывы, чтобы выпить со мной пива.

«Круто… У меня ОГРОМНЫЙ куш для Тревора. ВЫПИВКА ЗА МОЙ СЧЕТ».

Чарли: *«СТРЯСИ С НЕГО БАБЛА»*.

Я покачал головой и улыбнулся. Мы с Чарли постоянно беззастенчиво охотились за наличкой. Нашу квартиру заполняли жалобы на работу и нехватку денег, пока мы играли в видеоигры и ели рамен. Это было главным, что нас объединяло.

Я отправил ответ: *«Всегда. $ Я выберу место и напишу тебе».*

«Место с шикарными девчонками. А не так как в том дайв-баре со странными братками, словно это были рыбаки на пенсии ☺».

Ну, спасибо, бар был очень крут. Но Чарли был помешан на девушках. Его можно было бы назвать озабоченным, вот

только, пускаясь в безудержный флирт, он обретал страстное очарование. К тому же он выглядел как скверный мальчишка, готовый посадить тебя на свой скутер, чтобы увезти от строгих родителей.

Я набирал ответ, когда в меня кто-то врезался. Это была девушка, шедшая, пошатываясь, по проходу. Ладно, алкашка. Я вернулся к сообщению, когда услышал позади громкий стон, и затем: «Baegopa jughaeso!». «Умираю, есть хочется!» по-корейски.

Оглянувшись, я увидел пьяную на сиденье с головой, прислоненной к окну.

Почему она казалась такой знакомой?

Я всмотрелся в зеленую кепку, длинные волосы, лицо в тени. О, это девушка из лифта отеля. Когда я опустил взгляд не ее ноги, тапочки подтвердили мою догадку.

Девушка из лифта, не желавшая общаться со мной настолько, что практически слилась со стеной.

Так что, несмотря на любопытство, я отвернулся. Не хотел быть навязчивым, когда эта девушка-сноб из пентхауса очевидно желала остаться в одиночестве.

Но она продолжала бормотать. На смеси английского и корейского. Она была американкой?

Другие пассажиры автобуса начали поглядывать на нее, но никто ничего не сделал.

Я смотрел прямо перед собой. Не влезай в это, Джек. Ей не нужна твоя помощь.

Один за другим люди выходили, а девушка оставалась. Когда я наконец обернулся взглянуть на нее еще раз, она ушла в отрубон, рот был слегка приоткрыт.

Поскольку я не мог толком рассмотреть ее лицо, было неясно, сколько ей лет, но она выглядела на мой возраст или младше.

И она была американкой корейского происхождения. Может быть. Это было иррационально, но я чувствовал своего рода обязательство присматривать за соотечественниками в Гонконге. Это было совсем не то, что я планировал на сегодняшний вечер. Я почти слышал, как с плеча меня подбадривает миниатюрный дьявол Чарли. *«Она мишшиленькая»,* – сказал он пискляво.

Я встал и пошел к ней, резкие движения автобуса раскачивали меня.

– Эм… привет.

Она не шелохнулась. Козырек кепки скрывал лицо.

– Прошу прощения, – я помедлил. – Мисс. – Ну, я впервые назвал кого-то «мисс».

Вновь никакого движения или знака того, что мое присутствие замечено. Я склонился к девушке и осторожно потряс ее за плечо. Ничего. Я потряс ее слегка сильнее. Ее голова чуть сползла по окну.

– Ya, – громко сказал я, надеясь, что неформальный корейский ее взбодрит. Это было вроде как грубой, но отчаянной мерой.

Я увидел, как ее губы скривились, будто она услышала что-то. Затем она пробормотала:

– Baegopa, – она все еще жаловалась на голод.

Мой корейский звучал отстойно, так что я заговорил по-английски.

– Если проснешься, сможешь поесть, – я не сводил взгляда с ее губ, безусловно красивых. Они были розовыми, будто со следами губной помады. Верхняя губа казалась полнее нижней.

Воу, прекрати пялиться на губы пьяной девушки.

Я скользнул на место рядом с ней, надеясь найти у нее телефон и, может быть, позвонить кому-то, кто ее заберет. Пока я просматривал карманы ее тренча, она завалилась на меня.

Завалилась медленно. Роскошно. Ее плащ скользнул по моему пиджаку, когда ее плечо коснулось моей руки. Голова мягко опустилась на мое плечо, и у нее вырвался тихий вздох. Ее длинные волосы веером рассыпались по моей руке. Шелковистые черные нити коснулись костяшек пальцев.

Вау.

«Очнись, Джек». Я осторожно снял ее голову со своего плеча и уже собирался оттолкнуть ее на другую сторону сидений, когда она проснулась.

– Привет, – ее сонные глаза смотрели на меня. Глаза в глаза.

Я впервые смог рассмотреть ее лицо, и пришлось откаш-

ляться от неожиданного напряжения, вызванного этим.

– Привет… Привет. Ты заснула, я пытался тебя разбудить.

Она моргнула и огляделась.

– Где я?

– В автобусе. В… эм, Гонконге? – я понятия не имел, насколько она дезориентирована.

Она окинула взглядом сиденья, окна, город, затем – меня.

– О. *О.* У-у-у, – она начала смеяться. – Боже. У меня проблемы, – выражение было таким старомодным, что заставило меня задуматься. *А была ли* она американкой?

– Тебе помочь добраться куда-нибудь? – спросил я, стараясь казаться скорее дружелюбным, чем преисполненным энтузиазма.

Она покачала головой.

– Нет, я в порядке. Оки-доки! – она подняла на уровень глаз сложенные в символ «OK» пальцы. Что-то в этом движении выглядело знакомо. Затем она рассмеялась истерично, и я снова почувствовал это гложущее ощущение долга. Чарли мог подождать.

– Уверена?

– Конечно, уверена, – сказала она, икнув. О, боже. Икнув. Словно долбаная мультяшная мышь. Автобус остановился, и она встала так резко, что я шлепнулся на задницу в проход.

– Вот моя остановка! – заявила она, вытянув указательный палец.

Она, пошатываясь, пошла по проходу в своих нелепых та-

почках, и я встал на ноги и пошел следом.

Потянул ее за руку, прежде чем она шагнула на узкую винтовую лестницу.

– Я тебе помогу. Тут крутые ступени.

Она пожала плечами.

– Без проблем, – говорила она, как ковбой. Тянула гласные и произносила слова очень четко. Я не мог не улыбнуться. Не насмехалась ли она надо мной?

Мы с трудом спустились по лестнице, и водитель даже не взглянул на нас, когда мы вывалились на улицу. Я огляделся. Мы приземлились в центре всех баров, где я планировал встретиться с Чарли.

Глаза у девушки распахнулись, когда она окинула все взглядом. Мы были окружены людьми и яркими вывесками. В каждом переулке рядами высились крутые холмы баров и кафе.

– Думаю, я найду тут гамбургер, – заявила она.

– Гамбургер? – спросил я, пристально глядя на нее.

Теперь она была настороже – сонливость совершенно исчезла с ее сияющего лица.

– Euh, – ответила она по-корейски, кивнув. – Я голодна.

– Это я понял, – сказал я, усмехнувшись. – Ну, не уверен, что тут есть гамбургеры.

– А куда идешь *ты*? – она вдруг полностью сосредоточилась на мне. Под ее взглядом мне вдруг стало жарко. Будто на меня упал луч солнечного света – приятный, но слишком

интенсивный.

Я остановился и склонил голову, чтобы рассмотреть ее немного получше. В одну секунду она казалась пьяной до полусмерти, а в другую – странно трезвой.

– А что? Хочешь со мной? – флирт вырвался сам по себе, я тут же пожалел об этом.

Она наклонила голову, точно как я. И точно как в танцевальном движении. Ее изящный пальчик указал на меня.

– Да. Возьми меня с собой.

Глава седьмая
Лаки

Симпатичный парень казался удивленным.

Было приятно застать врасплох этого случайного знакомого. Проявить вдруг смелость. Теперь, когда я оказалась снаружи, на оживленных ночных улицах Гонконга, в окружении молодых людей, жаждущих развлечений… ну, я тоже хотела развлечься.

Я даже не могла вспомнить, когда в последний раз была где-нибудь без Рена, без присмотра. Я не только никогда не убегала тайком, у меня даже *желания* такого не возникало.

Но я *это сделала*. Эта ночь превратилась в нечто большее,

чем желание немедленно съесть гамбургер. Был шанс, что, после моего выступления в «Later Tonight», я больше никогда не смогу остаться незамеченной. Ради секунды анонимности приходилось чем-то жертвовать.

Я окинула взглядом высотные дома и яркие огни и почувствовала на своих щеках прохладный ветер. Закрыла глаза на секунду. Да, я хотела заполучить крошечный кусочек свободы, которая была у всех остальных. Я бы не стала жадничать. Мне вполне хватит порции размером с наперсток.

Парень, похоже, не узнал меня, и это было прекрасно. Я могла бы потусоваться с ним как обычная девочка-подросток. Эта идея придала мне сил, даже несмотря на усыпляющее действие лекарств.

И в этом парне что-то было. Помимо запредельной привлекательности. Несмотря на то, что в автобусе я была не в себе, я помнила необъяснимое спокойствие, которое почувствовала, когда открыла глаза и увидела его встревоженное лицо. Близость незнакомцев обычно заставляла меня отшатываться, воздвигать барьер. Но тепло в его взгляде меня успокоило. За ним скрывалась забота, а не любопытство.

Он не обязан был помогать мне в этом автобусе. Держать меня за руку, чтобы я не скатилась по лестнице. И он не обязан был улыбаться в ответ на все, что я говорила, будто находил меня бесконечно забавной.

Он точно решил, что я пьяна.

– Тебе сколько лет?

Вопрос возник из *ниоткуда*. Я посмотрела на него.

– Двадцать один.

Он рассмеялся, резко и быстро.

– Ладно, а я… призрак Стива Джобса.

Сарказм. Я довольно улыбнулась, едва удержавшись от того, чтобы не стукнуть его пальцем по носу очень красивой формы.

– Приятно познакомиться, призрак Стива Джобса. В реале ты гораздо больше похож на корейца.

Призрак Стива Джобса пробежал рукой по густым волосам длинными, неожиданно элегантными пальцами. Мой взгляд маниакально проследил за этими пальцами.

– Эй, откуда ты знаешь? – спросил он.

– Ты говорил по-корейски, – я вспомнила грубое «Ya», когда он ткнул меня. Мне казалось, я услышала его во сне. – И… твое лицо, – для ясности я махнула перед ним рукой.

Это лицо скривилось, но добродушно.

– Ну, думаю, твой возраст не имеет значения. Тут никто не требует документов.

Даже в своем одурманенном состоянии я могла ручаться, что парень испытывает противоречивые чувства по поводу того, взять ли меня с собой.

В какой такой вселенной существовал парень, сомневающийся в том, чтобы погулять с *Лаки*?

Все сегодня было таким иным. Таким свежим. Я была воодушевлена этим.

Призрак Стива Джобса сделал глубокий вдох.

– Ладно, иди за мной. Но ты уверена, что хочешь пить? Ты уже пьяна. – Он пошел, и я поспешила, чтобы успеть за ним, едва не наступая ему на пятки.

Мощенные камнем улицы причиняли боль ногам через тонкие, как бумага, подошвы моих тапочек.

– Я не пьяна! Как ты *смеешь*, – запротестовала я, оглядываясь по сторонам. Мы поднимались на крутой холм, окна и двери ресторанов были распахнуты настежь. Люди сидели на низких пластиковых стульях, прихлебывая лапшу, стояли у баров, потягивая пиво, толпились на улице и курили. Здесь было столько всего, на что можно было посмотреть, что можно было услышать и понюхать. Это была сенсорная нагрузка, но вовсе не неприятная.

Я отстала, пока таращила глаза, и парень ждал меня у крутой лестницы, уперев руки в бедра.

– Ладно, ты не пьяна. Обута в гостиничные тапочки. На публике.

– Не *суди* меня, – я шмыгнула носом. Следуя за ним, заметила целующуюся в темном углу парочку. Что ж! Я отвела взгляд. – Как бы там ни было, как тебя зовут? – на этих словах я едва не споткнулась о собственную слишком большую обувь, и призрак Стива Джобса протянул руку, чтобы поймать меня прежде, чем я упаду лицом вниз.

Он все еще сжимал мою руку, когда я подняла на него взгляд. В его глазах вновь была эта забота. Это, безусловно,

привлекательно.

– Джек, – ответил он.

Было не так уж плохо быть пойманной симпатичным парнем. Все это было словно в замедленной съемке. Я прильнула к его рукам, секунду наслаждаясь этим ощущением.

– Тебя зовут Джек? – мое лицо было невероятно близко к его лицу.

Его темные глаза распахнулись. Затем он моргнул.

– Ага.

– Похоже на, ну, фейковое имя, – сказала я, хихикнув. – Словно какой-то бойкий репортер в фильме с Кэтрин Хепберн.

Джек помог мне встать.

– Ха. Ты американка?

– О да, американка! – мне было очень приятно, что он заметил. Иногда мне казалось, что мой английский заржавел, и этот диалог с Джеком, наверное, был самым длинным за последние месяцы. Со своими менеджерами я говорила на смеси корейского и английского. А со всеми прочими – по-корейски. – А ты американец?

Джек снова начал подниматься по крутому склону. Я его почти не слышала.

– Да, из Калифорнии.

Не может быть. Я остановилась как вкопанная и ахнула так громко, что на меня уставились несколько проходивших мимо человек.

– Я тоже из Калифорнии!

Еще больше народу остановилось, некоторые захихикали. Даже в моем затуманенном мозгу возникла мысль, что пялиться вот так – нехорошо. Годы славы оставили на мне свой отпечаток. Я подбежала к Джеку, надвинула глубже бейсболку и спрятала лицо поближе к его плечу.

– Как тебя зовут? – спросил он.

Меня? Имя чуть не вырвалось само собой, но я вовремя остановилась. В голове промелькнул образ померанского шпица на экране моего телефона.

– Ферн, – выпалила я.

– Ферн? – на лице Джека отразилось сомнение.

– Да, Ферн. Это мое имя, Джек, – я подняла на него взгляд. – Эй, Джек. А ты тоже высокий.

Он посмотрел на меня сверху вниз, явно веселясь.

– Думаю, да. Пара высоких калифорнийцев.

– Должно быть, дело в калифорнийском молоке. Счастливые коровы живут в Калифорнии, – я скопировала голос рекламы.

– Как ты оказалась в Гонконге? – спросил он, сдерживая смех.

Я не ответила. Мы ступили на освещенный разноцветными огнями эскалатор, и меня захлестнула волна узнавания.

– Погоди! Я знаю это место! – я ухватилась за поручень и вытянула голову, чтобы посмотреть вперед. Эскалатор, заключенный в прозрачную трубу, поднимался прямо через

центр улицы, казалось, целую вечность. Мерцающие огоньки на каждом уровне были разными. Фиолетовый. Зеленый. Красный.

Я схватила Джека за рукав.

– Ой! *Чунгкинский экспресс!*

Он нахмурился в замешательстве.

– Что?

– Ты издеваешься, – вскричала я. – Ты не знаешь *Чунгкинский экспресс?* Мой любимый фильм Вонга Кар-Вая!

– О, – понимающе сказал Джек. – Да, никогда особо не смотрел эти фильмы.

Я притворилась, что поражена.

– Ты приехал в Гонконг, и никогда не видел его фильмы?

– Я сюда не приехал. Я тут живу.

– Еще хуже, чувак, – сказала я, хлопнув себя по лбу. – Надо самообразовываться. Он – *это Гонконг*.

Мы сошли на фиолетовом уровне и перешли на эскалатор с зелеными огнями. Джек легонько придерживал меня под спину, пока я прочно не уцепилась за поручни.

– Ты говоришь со мной, как с блондинкой, Ферн?

Огни, виды города, знакомое место – все это наполнило меня теплыми чувствами, и я ответила на укол.

– Ну нет. Как бы я могла сделать это, если ты – *парень?*

Его робкая улыбка стала шире. Самая яркая улыбка, которую я когда-либо видела. Я едва не отвернулась от него, внезапно занервничав.

– Ты права, – сказал он. Затем что-то промелькнуло в его взгляде. Настороженность, которой не было раньше.

– Кроме того, его фильмы волшебные, – добавила я. Он не ответил, все еще глядя на меня с этим новым любопытством.

Мы молчали до конца поездки по эскалатору, и когда сошли с него, я задвинула это воспоминание подальше, пообещав себе никогда не забыть. Насладиться потом.

Джек провел меня еще несколькими переулками и улицами, и я почувствовала себя своей маленькой лже-тезкой, собачкой, которую вывели на прогулку в новое место. Мне хотелось обнюхать каждый уголок, исследовать всё, но Джек вел меня дальше.

Затем я услышала музыку. Звуки труб, фортепиано и баса. Джаз. Я остановилась как вкопанная.

– О, хочу пойти *туда*.

Джек обернулся, руки у него были в карманах.

– Эй. Эй, Ферн!

Но я уже шла туда, мое тело притягивала музыка.

Глава восьмая
Джек

Как я стал нянькой пьяной девушки в гостиничных тапочках? Которую зовут *Ферн?*

Она зашла в бар, популярный у эмигрантов с Запада. Тускло освещенный, он был декорирован огромными промышленными станками. На каждом столе стояла чаша, полная бронзовых фигурок животных размером с ладонь. Их можно было трогать, но нельзя забирать. Невезение, карма – называйте, как хотите. С потолка на нитках свисали самые настоящие мертвые бабочки. Это было самое причудливое место, которое Ферн могла выбрать здесь.

Я последовал за ней, задев макушкой занавешенный вход. Мои глаза привыкали к темноте, живая музыка джаз-бенда заполняла бар, насыщенная и неотвратимая. Ферн стояла посреди зала, очарованная всем окружающим – с руками, прижатыми к груди, слегка покачиваясь в такт музыке. Да, этим вечером я стал нянькой, но я обманул бы себя, если бы сказал, что мне это не нравится. Эта девушка была совершенно чокнутой и, вполне возможно, находилась в измененном состоянии сознания, но все же…

У нее были такие моменты ясности, в которые она смотрела на меня совершенно потрясающим взглядом. Как и ее молниеносные ответы. Это бросало мне вызов. Держало в напряжении.

Наблюдая за тем, как она поглощена музыкой, я почувствовал, как меня затягивает знакомый порыв. Я так легко сдался. Чарли всегда напевал эти слова из старой рэп-песни рядом со мной: «Я не игрок, я просто часто влюбляюсь».

Это правда. Я влюблялся быстро и сильно. Но чувства быстро проходили – до того, как успевали окрепнуть. Из-за недолговечности моих привязанностей, у меня никогда не было настоящей девушки. Но что мне было делать? Оставаться в отношениях из-за какого-то чувства долга? Было ли это справедливо по отношению к девчонкам? Весь смысл любви в том, что ты действительно ее чувствуешь, что она настолько сильна, что ты обязан быть с этим человеком, как будто под давлением некой потусторонней силы.

В данный момент я испытывал странное влечение к этой девушке. Девушке, которая, вероятно, была пьяна, и из-за этого наше общение начинало казаться мне сомнительным.

Я пихнул ее плечом.

– Йо, Ферн. Есть места и получше, куда можно пойти, где нет толпы мудаков.

Ее взгляд был прикован к музыкантам, игравшим на маленькой сцене, спрятанной в углу бара.

– Нет, давай останемся тут ненадолго! – крикнула она, пытаясь пробиться сквозь музыку. Басист, казалось, услышал ее и поднял взгляд, подмигнув ей. Она крепче сжала руки, с наслаждением балансируя на кончиках пальцев.

Ох, братан.

В своем возбуждении и самозабвении Ферн излучала какую-то не вполне понятную ауру…

О, боже. А что если она *умирала*? Я опустил взгляд на ее тапочки. Это были отельные или *больничные* тапочки? Стоп. Нет, я видел ее в отеле. В этом модном отеле. Она, должно быть, богата или типа того.

Хотя, богатые тоже умирают.

Я окинул ее взглядом, начиная с бейсболки и оканчивая пальцами ног. Выглядела ли она нормальной?

Что с ней не так? У меня появилось неприятное чувство, будто она что-то скрывает.

Музыка смолкла, и Ферн восторженно захлопала в ладоши, подпрыгивая на месте. Словно маленький ребенок. Ее

волнение было заразительным, и я поймал себя на том, что улыбаюсь, когда смотрю на нее.

– О, тебе все же понравилось, – сказала она, дразня меня.

Я хотел поддразнить ее в ответ, но тут к нам подошел басист. Оркестр сошел со сцены, взяв перерыв. Вблизи басист выглядел метисом азиата и белого. И очень здоровенным.

– Привет. Не хотите присесть с нами выпить? – спросил он с густым южно-американским акцентом, очень гладким и текучим. Даже не взглянув на меня.

Бога ради. Я взглянул на Ферн, ожидая, когда она отошьет этого приставалу. Ее молчание длилось вечно.

Глава девятая
Лаки

Джек и красивый басист с длинными ресницами и улыбкой, словно из рекламе зубной пасты, выжидающе смотрели на меня. Музыка пробудила во мне что-то. Даже несмотря на то, что я закончила тур по пятнадцати городам, я все еще волновалась, слыша живую музыку. Меня трогало то, как музыканты собирались вместе, питая энергией друг друга. Улавливая тонкие сигналы, общаясь языком без слов.

Это напоминало мне мои чувства той поры, когда я сама была одержимой фанаткой. Чистая эйфория концертов.

«Хочу дать людям почувствовать то, что чувствую я,

слыша музыку».

Вот что я думала в свои двенадцать лет.

Я снова начала засыпать, в голове стало туманней, чем до того. Я смотрела на парней, ожидавших, пока я что-нибудь скажу или сделаю.

Ночь еще только начиналась.

А я была голодна.

Глава десятая
Джек

Взгляд Ферн прошелся от точеного лица парня по закатанным рукавам его черной рубашки на пуговицах и до потертых черных Оксфордов. Чувак был симпатичным, казался нормальным. Если она захочет остаться тут и потусовать с ним, я буду не против.

Я так думаю. Проклятье. Она все еще казалась пьяной, а я не был уверен, приличный ли это парень.

Я размышлял, что делать с этим раздражающим рыцарским инстинктом, даже не зная, хочет ли Ферн моей опеки, когда она вдруг бросила на меня вопрошающий взгляд. Что-

то в этом тонком жесте, в этой крошечной признательности задело меня.

– Конечно, но может ли к нам присоединиться мой друг Джек? – спросила она басиста.

Парень едва взглянул на меня.

– Полагаю, да.

Круто, спасибо, братан. Я весь в волнении.

Он подвел нас к группе людей, сидевших на низких стульях вокруг кофейного столика, уставленного напитками.

– Вы все, освободите место для… – он посмотрел на Ферн.

– Ферн. И Джека! – сказала Ферн, хлопнув меня по плечу. Сильно.

Люди разного возраста, пола и национальности закивали в знак приветствия. Холодного приветствия гонконгских хипстеров.

Ферн плюхнулась на табурет и усадила меня рядом. Басист сел по другую сторону от нее и жестом подозвал официанта.

– Джин с тоником для меня, – сказал он бархатным, властным голосом. С ленивой улыбкой бросил взгляд на Ферн. – Чего ты хочешь, дорогая?

Как нарочито, Рэтт Батлер.

– Гамбургер, – прямо сказала она, сложив руки на коленях.

Он хохотнул.

– А как насчет выпивки?

О, ради бога. Я притопнул, не желая принимать за нее никаких решений, но еще один бокал показался мне в высшей степени дурной идеей. Мне не терпелось убраться из этого бара, подальше от этой претенциозной змеиной ямы.

Ферн все еще изучала меню и разглядывала фото с едой.

– Здесь нет гамбургеров.

Официант слабо улыбнулся из-под своих закрученных усов.

– У нас нет гамбургеров. Только закуски и десерты.

Брови Ферн взлетели.

– Десерт. Хм, это песня, – я опустил взгляд, чтобы не рассмеяться. Старомодные словечки и фразы постоянно вылетали у нее в самые неожиданные моменты. Быстро просмотрев меню, она взглянула на официанта.

– Сливочное мороженое с фруктами, сиропами и орехами, пожалуйста.

Скользкий *МакДжаззи* закатил глаза и поднял подбородок, подтверждая заказ.

Музыканты, мать их, *хуже всех*.

Он начал болтать с Ферн, я бросил взгляд на свой телефон. Чарли писал о встрече.

«Э… насчет этого. Я тут девушку встретил, и она сейчас ест мороженое».

Ответ Чарли был моментальным:

«ЧТО».

Затем:

«Ладно, забудь. Двигай дальше. А почему вы едите мороженое? Хотя забудь. ЗАБУДЬ О МОЕМ СУЩЕСТВОВАНИИ И НАСЛАЖДАЙСЯ НОЧЬЮ, БРАТАН».

Никто так не радовался подобным вещам, как Чарли. Ему нравилось играть роль распутника, но я был практически уверен, что в душе он романтик. Я сунул телефон обратно в карман и посмотрел на Ферн и парня. Он шептал что-то прямо на ухо Ферн.

Приятель, тут *не настолько* шумно.

Принесли мороженое, и Ферн набросилась на него, как человек, не евший несколько дней. Недель.

– Вау, – сказал я. – Не отморозь мозги.

Она замерла на вдохе, взглянув на меня, затем поморщилась.

– Ой! – она схватилась за лоб, сбив кепку. Нехорошо было смеяться над ее голодом, но я не смог удержаться. Она тоже захохотала, взбитые сливки размазались по ее подбородку. МакДжаззи, похоже, не понравился этот смех, и он наклонился к Ферн.

– Выглядит вкусно. Можно попробовать?

Боже, благослови Ферн, она отдала ему ложку.

– Почему нет?

Он на секунду уставился на ложку.

– А ты не покормишь меня?

Фу. Я напрягся, мое терпение заканчивалось.

В ответ Ферн громко рыгнула, и он отшатнулся от нее. Я

снова рассмеялся и встал.

– Думаю, на этой ноте мы попрощаемся!

Она встала, чтобы последовать за мной.

– Ладно. Пока! – Она помахала всем. МакДжаззи вскочил и схватил ее за руку. О боже. Мне что, придется драться с этим переростком?

– Почему ты позволяешь этому парню помыкать тобой? – спросил МакДжаззи, ухмыляясь мне. – Он тебе брат или что?

Ферн опустила взгляд на свою руку и высвободилась. С силой. Оттолкнув его. – *Нет*, он мне не брат. А тебе надо *остыть!* – проорала она. – Ты такой *старый*.

Что ж, из забавной ситуации это перерастало в скандал.

– Ферн, – сказал я, потянувшись к ней, но передумал и отдернул руку.

Она развернулась и ткнула меня в грудь. Сильно.

– Эй, Джек? Ты симпатичный, но тебе надо *расслабиться!*

Я симпатичный?

Затем она легонько пнула МакДжаззи в голень.

– А тебе не стоит преследовать меня!

Матерь божья. Увидеть лицо МакДжаззи было бесценно. Но веселье было недолгим, потому что, когда я оглянулся на Ферн, она стояла на цыпочках и тянулась к одной из бабочек, свисавших с потолка.

Нееееет.

Она сдернула одну с нити, и, казалось, весь бар выключи-

ли. Стало тихо.

Вот, дерьмо.

Ферн не заметила. Она держала бабочку пальцами, с явным наслаждением рассматривая ее.

Я кинулся к ней, надеясь, что никто из работающих тут ничего не заметил. В этом баре существовало жесткое и молниеносное правило: тронешь бабочку, и тебя вышвырнут. Я знал это, потому что однажды сделал так в прошлом.

Дородный вышибала добрался до нее раньше меня.

– Мисс, вы должны уйти.

Она поднесла бабочку к его носу.

– Вы их *специально* убили? Чтобы развесить *тут,* и любоваться? Словно варвары?! – тон у нее был одновременно и обвиняющим, и любопытствующим.

Вышибала оттолкнул ее руку.

– Сколько вам лет?

– Какая разница? Я хочу поговорить с менеджером! – она потянулась к следующей бабочке.

Я схватил ее за руку.

– Ферн! Идем отсюда!

Вышибала посмотрел на меня.

– Вы берете ответственность за то, что привели сюда несовершеннолетнюю?

Теперь за нами наблюдал весь бар. Отлично. Я нацепил на лицо выражение: «Кто, я?» и поднял руки:

– Сэр, прошу простить мою сестру…

Тут я услышал, как МакДжаззи выкрикнул:

– Я так и *знал*! Она не здорова. Посмотрите на ее *обувь*.

Вышибала опустил взгляд, но его лицо осталось бесстрастным. Пока его внимание было приковано к ногам Ферн, она сдернула с потолка еще одну бабочку. Все задохнулись от возмущения, вышибала вскинул голову.

– *Довольно*. Я вызываю полицию.

Внезапно Ферн рванулась вперед, толкнув вышибалу.

– Это не *слишком?* – слова ее были невнятными, глаза начали закрываться.

Так что я сделал единственное, что мог. Я дернул ее к себе, вжался губами в ухо и прошептал:

– *Беги*.

Глава одиннадцатая
Лаки

Симпатичный парень по имени Джек держал меня за руку, и мы бежали по улице.

Мне потребовалась вся моя концентрация, чтобы не споткнуться где-нибудь в тапочках. Когда мы спускались по крутой оживленной улице, я взглянула на него. Он смотрел вперед, прищурившись, крепко сжимая мою руку.

Кто был этот парень? Почему я доверяла ему? *Доверяла ли* я ему?

Внезапно все это показалось мне дурной затеей. Все мои представления об этой чудесной, причудливой ночи, кото-

рую я буду вспоминать всегда, даже став старой каргой, обратились в пепел, пока я изо всех сил, через боль в ногах, старалась не отставать от него.

Едва я вышла на улицу, мне следовало развернуться. В торговый центр. Съесть запретный гамбургер и назвать это своим бунтом в турне.

Вместо этого я вышла и села в автобус. Это было так рискованно, так глупо, так…

Я расхохоталась, заворачивая за угол, зная, что выглядит это неожиданно и странно.

Да, все это было дурной затеей. И все же, это казалось даже вроде как сексуальным.

Джек оглянулся на меня, пораженный смехом.

Когда наши взгляды встретились, я прекратила смеяться.

Он был таким милым, а моя голова – слишком затуманенной.

Наконец, свернув за угол в переулок, мы остановились. Джек прижал нас обоих спиной к кирпичной стене банка, как-то ловко и натренированно.

Да, отличная идея, свернуть в переулок с незнакомцем, Лаки.

Нам потребовалась секунда, чтобы перевести дыхание, а затем Джек выглянул из-за угла, потянувшись через меня и ненадолго заслонив меня своим телом. Хм. Я глубоко вздохнула – я знала, что это маниакально, но он хорошо пах. Мылом и немного потом.

– Ладно, думаю, все в порядке, – наконец сказал он, не заметив, что я принюхиваюсь.

Я улыбнулась.

– Я в порядке. Ты в порядке. В каком порядке?

Джек без улыбки сжал губы в тонкую линию.

– Тебя едва не вышвырнули из бара и, возможно, посадили бы в тюрьму, например за нападение. В иностранном государстве, – он едва не кипел. На самом деле, один вид этого парня как-то разогревал. Хитклифф встречается с Кэтрин, Калифорнийская версия драмы.

– Откуда ты знаешь, что я иностранка? – последнее слово я фактически икнула.

Он покачал головой, проведя своей красивой рукой по своим красивым волосам.

– Что? Мы обсуждали это. Ты из Штатов.

– Ха! Это ты так думаешь. Я живу в Корее.

Взгляд Джека быстро, но без интереса прошелся по моему лицу. У него была манера смотреть на меня пристально. Уделяя мне безраздельное внимание. Это наполняло меня странным, приятным теплом.

– Это заметно. В тебе есть что-то корейское, – сказал он.

– Ты тоже похож на корейца, но я ни слова тебе не сказала! – заорала я. Боже, орать приятно. У меня не было возможности делать это часто.

– Что? – взвизгнул он, глядя большими, недоверчивыми глазами. – Ладно, забудь. В твоих словах нет никакого смыс-

ла, то есть вообще. Давай я отведу тебя туда, где ты должна быть.

Панический холодок пробежал по моему телу. Каким-то чудом я сбежала от Рена Чанга, лучшего телохранителя в Азии, и не хотела пока возвращаться. Свобода была слишком короткой, слишком… туманной.

– Нет!

Джек прерывисто вздохнул.

– Да ладно, ты пьяна или типа того. Это не безопасно.

– Как ты смеешь! – я ткнула пальцем ему в грудь. – Я не пью! – Я поняла, что мне нравится говорить: *«Как ты смеешь!»*.

– Ладно. Ты не пьешь, – он смотрел с невыносимым терпением. Как будто имел дело с капризным ребенком. – Не волнуйся, давай возьмем машину, – сказал Джек, вынимая свой телефон.

И снова поднялась паника.

– Я не могу вернуться, умоляю!

Это можно было вставить в пособие «Тревожные фразы, которые говорят женщины», и это сработало. Джек вскинул голову и посмотрел на меня с беспокойством.

– Почему? Что случилось?

И хотя я знала, что эти слова были произнесены из заботы, которой я совсем не заслужила, глаза мои наполнились слезами. *На пустом месте*. Когда в последний раз кто-то спрашивал меня: «Что случилось?». Этот вопрос родители зада-

вали мне, когда я казалась осунувшейся, грустной или усталой. Или когда я плакала. Этот вопрос задавали только те, кто действительно заботился обо мне.

Было легко сохранять довольное и расслабленное выражение лица при видеозвонке или в переписке.

Но скоро я увижу свою семью. Денег будет намного больше, и я смогу купить билеты на самолет всей своей семье, чтобы увидеться с ними. Несмотря на то, что у меня было два хитовых альбома, мой договор все еще обязывал меня отдавать значительную часть моих заработков управляющей компании.

Так это работало, и так это работало всегда. Я должна была быть благодарной за то, что получала, потому что «разве обожание – не достаточная плата»? Быть идолом? До недавнего времени мне этого хватало.

В какой-то момент все изменилось. Когда я посмотрела ту запись в своем гостиничном номере. Теперь я знала, что чего-то не хватает. Я просто не была уверена, чего. И прямо сейчас эта ночь с этим парнем помогала мне сбежать от этого. Забыть, что мои воплотившиеся мечты больше не удовлетворяли меня.

Мои щеки были мокрыми. Нарощенные ресницы прилипли к ним. Джек сунул телефон обратно в карман джинсов.

– Эй… эй. Не плачь, – он держался на расстоянии, но я все равно чувствовала его тепло.

Самое главное, что я чувствовала с тех пор, как мы встре-

тились, – это его… *забота*. Ему было не все равно, хоть у него и не было причин заботиться обо мне. Вот почему я последовала за ним в темный переулок.

Внезапно я почувствовала себя сильно уставшей. И смущенной. Я вела себя как ненормальная и расклеилась, этот парень уже слишком долго возился со мной и все это должно было просочиться в прессу.

Я попыталась промокнуть глаза длинными рукавами терморубашки, выглядывавшей из-под тренча, и попутно смахнула пару тягучих соплей. О боже.

Мой взгляд взметнулся к лицу Джека. Джека, который был бы выше меня, даже стой я на пятидюймовых каблуках. Он попытался отвести взгляд, но было слишком поздно.

– Ты увидел мои komul! – зарыдала я. Некоторые слова, например «сопли», всегда вылезали на корейском.

Джек закашлялся, пытаясь сдержать смех.

– Нет, не видел!

– Да, видел! – я отвернулась от него, уткнувшись лицом в стену. Грубый кирпич царапнул щеку, но мне было все равно.

– Клянусь! – сказал он из-за спины.

Но, прижавшись лбом к прохладе дома, в темноте, я почувствовала, как закрываются веки. И поддалась изнеможению.

Глава двенадцатая
Джек

Знаете, что самое сложное? Нести кого-то на спине. Особенно – спящего мертвецким сном.

Я перенес вес с ноги на ногу, и Ферн жалобно всхлипнула. *Ну, извиняюсь,* монстр на моей спине!

Был бы я знаменит, какой-нибудь папарацци щелкнул бы меня в этот момент.

Как мой вечер превратился в это? От беспокойства о том, что симпатичная девушка уснет в автобусе, к тому, чтобы тащить ее домой. Не к ней домой. Ко мне.

При ней не было абсолютно никаких документов. Мне ка-

залось, что она остановилась в том же отеле, что и Тедди Слейд, где я впервые увидел ее в лифте. Но привести эту девушку в тот вестибюль, ничего о ней не зная, вероятно, было не очень хорошей идеей. И я ни за что не вернусь туда после того, что провернул там сегодня. Селеста Цзян знала, что я сделал, и я не хотел рисковать.

Я уже покопался в карманах Ферн, надеясь найти телефон, чтобы позвонить кому-то, кто ее заберет. Но не нашел ничего.

Казалось, она свалилась с неба.

Когда я добрался до своего дома, я чувствовал себя при смерти. Кровь из глаз и все такое. Я как можно аккуратнее снял ее со спины. Она тяжело опустилась на выложенный гранитной плиткой пол подъезда. Магазин лекарственных трав на первом этаже был закрыт на ночь, металлическая решетка была опущена, но вокруг все еще витал сильный аромат. Я нащупал кнопки домофона, чтобы войти. Когда дверь с громким лязгом открылась, я подпер ее одной ногой и потянулся к Ферн, одной рукой обхватил девушку за шею и приподнял за талию – другой.

Почему я жил в этой квартире? В моей голове прокручивались все мои жизненные решения, приведшие к этому моменту, словно монтаж фильма-обвинения, и я проклинал каждое из них.

Когда я наконец добрался до четвертого этажа, я задыхался, все мое тело сводило судорогой от боли. Прислонившись

к стене обоими нашими телами, я попытался вытащить из кармана ключ, но Ферн немедленно соскользнула на пол.

Я оставил ее сидеть там на минутку, пока открывал дверь. Подхватил из прихожей какую-то обувь, одну резиновую домашнюю тапочку Чарли, и подпер ей дверь.

Ферн превратилась в безвольную куклу, полностью согнувшуюся, ее ноги в тапочках торчали в разные стороны, словно у Злой Ведьмы Востока.

После нескольких попыток сдвинуть ее с места я вспотел. Господи, почему эту девушку было так чертовски трудно двигать?! Наконец, мне удалось схватить ее под мышку и протащить в гостиную. Явная стилистика избавления от мертвого тела.

Я толкнул ее на диван, где она тут же осела.

– О боже, – сказал я потолку, проведя ладонями по лицу. Все, что угодно, могло пойти не так.

Во-первых, если Ферн проснется, не поймет, где она, и увидит меня, она, черт возьми, взбесится, а я буду выглядеть как маньяк, который, вероятно, трахнул ее в баре. Во-вторых, если каким-то образом об этом пронюхает моя квартирная хозяйка, меня до смерти запинают в буквальном смысле этого слова.

Я сделал глубокий вдох. *«Ладно, все в порядке. Держи нос выше, Джек. Ты умеешь выкручиваться из сложных ситуаций, ведь так? Это твоя стихия. Ты можешь выкрутиться из чего угодно».*

Закатав рукава, я задвинул на двери лишний засов. На случай, если хозяйка решит нанести нежданный полуночный визит. Что было бы не в первый раз. Она страдала бессонницей, и ей становилось скучно. Я бросил взгляд на Ферн, чтоб посмотреть, не разбудил ли ее этот звук.

Она полулежала с опущенной вперед головой и раскинутыми конечностями, словно у тряпичной куклы, и не было шансов, что ее разбудит что-либо, помимо концерта электронной танцевальной группы.

Я захватил подушку и одеяло из спальни, и бросил их на диван.

Пока я стоял там, глядя на нее и на диван из искусственной кожи, потрескавшейся и облупившейся от старости, я чувствовал себя виноватым. Может быть, стоит положить ее в кровать. Это, вроде, правильно?

Если бы Чарли только знал. Поскольку он работал по ночам и у нас не совпадали графики, мы фактически делили постель – за исключением одного раза в две недели, когда один занимал ее, пока второй спал на диване. У каждого из нас был свой комплект белья, который мы меняли раз в неделю. Это был какой-то Дикий Запад, но схема работала.

Что бы он сказал, если бы узнал, что неизвестная девушка спит в его постели?

Ферн уже полностью осела на диване, ее голова почти касалась колен. Пора была ее перетаскивать. Я закрыл глаза, желая, чтобы мои переутомленные мышцы смирились с

этим.

Уф. Ноги Ферн стукали меня по икрам, пока я тащил ее к кровати. Посмотрев на нее секунду, я увидел, как торчат ее дурацкие тапочки, и глубоко вздохнул. Я приподнял одну ее ногу за лодыжку и быстро стянул тапочку. Стараясь не слишком обращать внимание на прикосновения к ее коже, я быстро справился и с другой тапкой, едва касаясь ее кончиками пальцев.

Ферн издала странный звук и замерла. Но в следующую секунду с ее губ сорвался храп.

Я стиснул зубы. У меня сердечный приступ будет из-за этой девицы.

Внезапно она забросила руку за голову, сбив с нее свою кепку.

Я наконец смог ее рассмотреть.

На ней было много макияжа, будто она накрасилась для какого-то мероприятия. Что противоречило тому, что она была обута в гостиничные тапочки на босу ногу. Но все остальное: рубашка с длинными рукавами и джинсами – выглядело нормально.

Что она тут делала?

Как бы там ни было, я рассмотрел ее, и, в конце концов, накрыл одеялом, а потом выключил лампу у изголовья.

В темноте я посмотрел на телефон, чтобы узнать время, скрин омыл пространство холодным голубым светом. Я чувствовал себя серийным убийцей. Было поздно, за полночь.

Чарли обычно возвращался с работы в семь утра, так что, пока он не ворвется сюда, мы в безопасности.

Во всяком случае, я на это надеялся.

Умывшись, я забрался в импровизированную постель на диване, слушая легкое похрапывание Ферн в другой комнате. Миллионы мыслей проносились у меня в голове, заснуть было невозможно.

Что если она проснется раньше меня и перепугается?

Что если она перепугается и закричит, заставив соседей, или хуже, хозяйку квартиры прибежать сюда?

Что если она перепугается, закричит и кто-нибудь вызовет полицию?

Каждый сценарий заканчивался тем, что я оказывался в тюрьме Гонконга и становился странной городской легендой на Reddit.

Поскольку я не мог уснуть, я на автопилоте пролистывал свои аккаунты в социальных сетях.

Когда я листал Twitter, выскочила картинка, заставившая меня замереть.

Это был аккаунт комедийного актера, за которым я следил, – пост был посвящен его грядущему выступлению в передаче «The Later Tonight». Прикрепленное к твиту фото демонстрировало лицо актера рядом с другим лицом.

Лицом корейской поп-звезды.

Ее звали Лаки, и она собиралась сделать пару выступлений. Освежить свой тур по Азии.

О.

Му.

God?

Длинные розовые волосы развевались вокруг сияющего лица, пускающего свет в камеру. Полные щеки, широко распахнутые глаза, самодовольная улыбка.

Матерь божья. Это была Ферн.

На самом деле я примерно знал Лаки по каким-то статьям в «Слухах», упоминавшим ее тур. Но без розовых волос она была не достаточно узнаваема для того, кто не следил за K-Pop.

Ладно.

Ладно. Итак, у меня дома K-Pop-звезда, спит в моей постели прямо сейчас.

Нет, не в *моей* постели. В постели, которую я делю с соседом по комнате! Верно. *Так* оно звучало лучше.

Я пробрался в спальню и присел на край кровати. Стараясь не издать ни звука, склонил голову, чтобы лучше рассмотреть ее лицо, подсвечивая себе телефоном.

Я задохнулся. Невозможно ошибиться. Это была она.

Ладно, Джек. Расслабься. Оставайся спокоен. Что такого в том, что ты мог непреднамеренно ПОХИТИТЬ ЗВЕЗДУ K-POP?

Я быстро нагуглил «Лаки K-Pop», и нашел бесконечное число ссылок и фоток. Ее музыкальные видео, живые выступления, фан-страницы. И ее фото, сделанные папарацци,

когда она, прикрывая лицо, выходила из самолета в аэропорту Гонконга. Затем ее фото с *сегодняшнего* концерта, как она танцует и поет в эпатажном боди с обрезанной задницей и серебристых сапогах на очень высоком каблуке.

Ошеломленный, я откинулся на кровать, от чего матрас затрясся под моей спиной. Я замер, но она и пальцем не шевельнула. Мне нужно было сопоставить эти фото с пьяной девушкой в моей постели, вытиравшей сопли о мое плечо, пока я нес ее. Почему она гуляла одна? Кто-нибудь ищет ее?

Я зарылся глубже в поиск и выяснил, что она должна появиться в шоу «The Later Tonight» в понедельник. Прокручивая сайт с новостями K-Pop, я увидел статью, в которой говорилось, что это выступление станет ее американским дебютом, и от него многого ждут, надеясь, что это положит начало ее звездной карьере там.

Даже с моим малым знанием K-Pop я понимал, что прорваться в западные страны будет сложно. Станет ли она знаменитой в Штатах? Был ли я сейчас в своей квартире наедине с потенциальной мегасуперзвездой?

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА ЛАКИ

Потенциальный заголовок вспыхнул в голове мигающими огнями. Лаки… она не была какой-то упитой милой девчонкой, которой нужна была помощь. Она была знаменитостью.

Знаменитостью на грани *мировой* известности.

И чрезвычайно востребованной.

Если бы кто-то сфоткал ее сегодня в баре, фото наверняка попало бы в корейские таблоиды. Это был бы грандиозный скандал. Звезды K-Pop были жестко сдержанными, их образы должны были оставаться безупречно чистыми. Пьяная Лаки в баре Гонконга? С парнем?

Со мной. Я был тем парнем.

Вот это была история. Мой мозг сразу же зацепился за это – завертелись шестеренки. Что если Лаки провела в Гонконге целый день с каким-то случайным парнем? Что если все это будет задокументировано? Эта история принесет много денег, как только Лаки станет популярна в США, а если нет, она все равно попадет в корейские СМИ.

Поступить так с кем-то было совершенно некрасиво. Если бы они были моими друзьями. Но я ее не знал, кроме того, она была крутой знаменитостью. И если она собиралась стать знаменитой в Штатах, свидание с парнем не испортит ее репутацию там – там к подобному относятся иначе.

Тогда я принял решение – работать всю ночь, чтобы гарантированно быть на ногах раньше, чем она проснется. Я прокрался обратно к дивану, мысли неслись со скоростью миллион миль в час. Если удастся провернуть это, я получу работу, и море моих опасений просто исчезнут: деньги за жилье, тень колледжа.

Они слетят с меня слой за слоем.

Суббота

СУББОТА

Глава тринадцатая
Лаки

Первой странностью, которую я заметила, был свет.

Что случилось с моими не пропускающими свет шторами? Я никогда не просыпалась от солнечного света.

Следующей странностью стал слабый храп. Это Джи Йон? Она что, провела ночь в моей комнате? Она делала это раньше, когда у меня случались особо беспокойные ночи.

Я поерзала под одеялом и замерла. Я все еще была в джинсах, а шею ломило. Почему я…

Коридор отеля.

Парень в лифте.

Торговый центр.

Автобус.

Парень.

Бар.

Парень.

Я подскочила – совершенно проснувшаяся, замечающая все вокруг. Маленькая спальня, заставленная разномастной мебелью из черного дерева. Постер какого-то старого боевика. Потертые занавески в цветочек развевались у большого окна. Приоткрытая дверь и легкий звук храпа, доносящийся из-за нее.

О МОЙ БОГ.

Руки взлетели ко рту, заглушая невольный крик. Что, черт возьми, я *наделала* прошлой ночью?

Я заметила свой тренч, аккуратно сложенный рядом с моими гостиничными тапочками, поставленными в ногах кровати. Что снова заставило меня посмотреть в сторону другой комнаты… две ноги, торчащие из кучи одеял на поистине отвратительном диване.

Это был *он?*

Я помнила его как смутный сон. Высокий. Он возвышался надо мной. Худощавый, но крепкий, я помнила, что он *казался*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.